

ФЭЯ МОРАН

18+

Роман-
тизация
зла

ЗЛО БЫВАЕТ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНО...

18+

Фэя Моран

Романтизация зла

«Автор»

2023

Фэя Моран

Романтизация зла / Фэя Моран — «Автор», 2023

Энтони Максвон богат, привлекателен, очень вежлив, галантен, а ещё... опасен. Он - социопат с садистскими наклонностями, получающий удовольствие от манипулирования людьми и неожиданно понявший, что его тянет к убийствам. Аника Снелл молода, умна, целеустремлённа и очень эмпатична. Именно её выбирают в качестве личной помощницы в особняк Максвонов, где ей придётся прожить месяц и помочь с рабочими делами самому Энтони, об опасности которого девушка и не догадывается...

© Фэя Моран, 2023

© Автор, 2023

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фэя Моран

Романтизация зла

ОТ АВТОРА

В первую очередь, спасибо каждому, кто осмелился открыть эту книгу, ведь аннотация *уже* не предвещает ничего хорошего. Назвала бы я «Романтизацию зла» *дарк-романсом*, но на самом деле романтикой тут и не пахнет: и вы сами поймёте почему, как только окунётесь в мир главного героя.

Во вторую очередь, хочу предупредить вас о триггерах. В этой книге подробно описываются убийства, упоминаются психические расстройства, присутствуют сцены сексуального характера и много... очень много мрачных мыслей главного героя, которым в данном случае выступает самый настоящий злодей.

Главы поочерёдно повествуются сперва от его лица, а затем от лица его жертвы. Таким образом я хотела показать то, как ловко он меняется для других людей, и то, каким на самом деле является внутри.

На написание этого произведения я вдохновилась историей сразу нескольких серийных убийц и одной мрачной историей, произошедшей на самом деле. Однако, несмотря на это, все персонажи и события, описываемые в данной книге, полностью вымышлены. Все совпадения случайны.

Надеюсь, вы взяли на заметку все мои предупреждения и далее будете читать на свой страх и риск, либо закроете книгу и вовсе.

В любом случае, я рада, что сумела кого-то оградить от вреда психике.

А теперь приятного чтения! Спасибо за внимание.

[Когда судья вынес приговор]:

*«Подумаешь! Смерть – повсюду!
Увидимся в Диснейленде!»*

– Ричард Рамирес¹

¹ Американский серийный убийца

ГЛАВА 1

ЭНТОНИ МАКСВОН

Почти каждый грёбаный четверг проходил среди тупоголовых друзей моих родителей. Их было достаточно много, чтобы я не тратил времени на запоминание каждого имени, но самыми излюбленными друзьями моих предков была семья Лоусонов. Обычно мистер и миссис Лоусон приходили ближе к десяти часам вечера, и из столовой целую ночь затем доносились идиотский смех и пьяные разговоры об искусстве, музыке, бизнесе и о других абсолютно разных темах.

Сегодняшний ужин проходил в той самой столовой, куда я однажды привёл очень сладкую девочку, а потом трахал несколько часов подряд. Я до сих пор помню её влажную киску и упругую задницу, пока она извивалась на моём члене без остановки, желая поскорее кончить.

При подступивших возбуждающих воспоминаниях я поймал себя на том, что не расслышал сказанного миссис Лоусон, постоянно бросающей кокетливый взгляд своих окружённых морщинами глаз на отца, будто мы все тут идиоты и ничего не замечаем. Периодически в столовую входила наша горничная с железным подносом и клала напитки и блюда перед нашими гостями. Когда же она подходила к моему месту за столом, то судорожно сглатывала слюну, пытаясь незаметно так кинуть взгляд в мою сторону. Я это замечал прекрасно и слащаво ей улыбался, и это она принимала за ответный флирт. Наивная глупышка.

Отец сидел во главе стола и жевал жирный кусок стейка, стараясь при этом не громко чавкать, потому что его жена, – моя мать, – этого на дух не переносила. Сама же она сидела напротив него и, строя из себя настоящую леди, вытирала рот белоснежной салфеткой, постоянно смотря на миссис Лоусон, конечно же уличив её в попытке кокетничать с её мужем.

Я старался особо не смотреть на противные рожи наших сегодняшних гостей, но вот на их очаровательную дочурку, имя которой казалось мне очень соблазнительным, если имя вообще может таковым являться, бросал взгляды очень охотно. Особенно на выпуклость её груди. Весь ужин эта сладкая девочка глазела на меня, что тут отрицать. И хотя пыталась делать это скрытно, я всё же улавливал её взгляд, когда она словно невзначай поворачивала голову на моего периодически начинавшего говорить отца.

– Тони, милый, может вы с Жаклин пообщаетесь? – произнесла мама, вытянув чуть вперёд свою длинную шею. – А мы, старики, ещё поболтаем о своём, старческом.

На её шутку, словно она была смешной, немного все посмеялись. Все кроме нас с Жаклин. Эта сладкая девочка засмушалась: об этом говорили её покрасневшие щёки.

Я не был идиотом и прекрасно понимал, к чему составлялись вечные вечерние встречи с этой семейкой. Родители звали их чуть ли не каждый день, чем безумно раздражали мою страсть к уединению.

Лоусоны владели сетью крупных торговых центров по всей Англии, Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса, от того и мои грёбанные родители так цеплялись за возможность получить элитных сватов, – почти столь же элитных, каковыми являлись мы сами. А для этого, как им казалось, существовал лишь один вариант – поженить нас с Жаклин, и нашим предкам отчего-то думалось, что мы оба этого не против.

Но Жаклин Лоусон против точно не была, в этом я не испытывал ни капли сомнения.

– Конечно, мама, – широко улыбнулся я и взглянул на юную глупую девочку. – Ты ведь не против, Жаклин, прогуляться со мной до нашей беседки и попить настоящего кофе?

Она скромно кивнула и смущённо улыбнулась мне в ответ.

Я встал из-за стола и под провожающие нас глупо сияющие взгляды родителей подошёл к Жаклин, протягивая ей ладонь. Она весьма охотно приняла моё приглашение и, извинившись перед ужинающими, при этом стараясь подлизаться к моей матери, высоко ценившей воспи-

тание, которое она искала во всех девушках – потенциальных невестках, – покинула столовую вместе со мной.

Когда мы вышли во двор, большие карие глаза Жаклин Лоусон тут же устремились в сторону завораживающего цветочного сада, окружающего фонтан посреди нашего двора. Она, наверное, не была против провести целые часы в окружении цветов, как и любая другая глупая женщина на этом свете.

Жаклин, сколько я её помнил, в целом была девочкой тощей, но с широкими бёдрами и большой грудью, которую я живо представлял под своими ладонями, воображая, с какой же грубостью и удовольствием я буду сминать её руками, периодически играясь с розовыми сосками. Сегодня она как раз надела один из своих лучших нарядов – платье, едва доходившее до её колен, облегающее каждый элегантный изгиб её тела.

– Какой кофе предпочтёшь выпить? – спросил я, подождав пальцем одну из наших горничных, что возилась во дворе с посаженными розами. – Ты всё та же кофеманка?

– Кофеманка из меня никуда ещё не девалась, – коротко засмеялась Жаклин. – Мне всё тот же эспрессо, пожалуйста.

– Будь добра, – обратился я к горничной, – отправляйся на кухню и принеси нам с мисс Лоусон кофе – одну чашку эспрессо и вторую с капучино. И побыстрее. Не заставляй даму ждать.

Прислужница кивнула и быстро удалилась.

Что касается нас с Жаклин, мы двинулись дальше по тропинке, вымощенной камнями, и оказались возле готической беседки, затейливые перила которой обвивали красные розы. Местечко романтичным назвала бы каждая девочка, поэтому и моя сегодняшняя спутница не могла оторвать взгляда от роскошества, заполняя лёгкие свежим ароматом цветов.

Мы уселись за стол под крышей.

– Как дела в университете? – спросил я, изображая искренний интерес к её персоне.

– Неплохо, – ответила она. – Скоро предстоит сдать важный экзамен, и волнение небольшое есть.

– Тогда, думаю, чашечка кофе в моей компании немного поможет тебе расслабиться. Я не могу забыть, как ты вливала в себя литры кофе, когда мы приезжали к вам в Амершем.

Она засмеялась, прикрывая ладонью свой рот. Я возжелал запротестовать и убрать её руку с лица, чтобы ничто не закрывало мне обзор на её пухлые губы, в которые хотелось вцепиться зубами.

И рвать, рвать, рвать, до крови...

Горничная принесла на подносе две чашки с горячим напитком, а кроме того догадалась захватить ещё и десерт – два винных бокала с клубничным трайфлом². Что касается меня, то я из сладкого предпочитал только таких вот девочек как Жаклин, поэтому десерт оставил на съеденье ей одной.

– Прошу, – по-джентльменски подтолкнув в её сторону кофе и бокал со сладким, сказал я. – Угощайся. Держу пари, этот десерт поднимет тебе настроение перед экзаменами.

– Спасибо, Энтони, – сказала она и обхватила своими длинными изящными пальцами чашку.

– Всегда пожалуйста. Я всё ещё помню о твоей особой страсти к сладостям. Равно как и к кофе. Должно быть, ты отчётливо помнишь нашу прекрасную ночь на Примроуз-хилл? Тогда мы, кажется, выпили целый литр и закусывали пирожными.

Слово «ночь» полилось из моего рта как сладкое вино прямоком в уши Жаклин. Это слово связывало нас с нашим первым поцелуем; мне тогда пришлось изрядно попотеть, чтобы

² Трайфл – традиционный английский десерт, представляющее собой бисквитное тесто с заварным кремом, фруктовым желе и взбитыми сливками, расположенными в десерте послойно.

перебороть своё желание трахнуть её прямо там, на зелёной свежей траве, пока вокруг время проводили такие же парочки. В памяти Жаклин та ночь так и осталась «нашей ночью любви», а в моей – как изящный обман очередной девочки. Я помню до сих пор то, как Жаклин была очень в себе не уверена; наверное, полагала, что такой как я заслуживает девушки роскошнее неё. Или, может, просто ломалась, строя из себя недоступную.

Я наконец заметил, как губы, – ох, эти сладострастные губы, заставившие мой член отозваться в штанах, когда я живо представил, как она сосёт мне, сидя на коленях, – вроде как приподнялись в небольшой ухмылке. В почти незаметной ухмылке, однако от меня подобного невозможно было бы скрыть.

– Ты потрясающе выглядишь сегодня, – сказал я. Девочки любят, когда нечто подобное выговаривают их возлюбленные. – В прочем, потрясающе ты выглядишь всегда, но почему-то именно сегодня ты словно сияешь... Может быть, у тебя появился новый ухажёр?

– Ничего глупее я не слышала. – Девочка поднесла к губам чашку и проглотила немного кофе. – Ты слишком хорош собой, чтобы я могла смотреть на кого-то другого, Энтони.

Я изобразил весьма правдоподобный, но тихий смешок, когда взял в руку свой кофе и сделал пару глотков горячей крепкой жидкости.

Моя вера в то, что каждую женщину на этом свете можно подчинить своей воле, крепчала с каждым днём. Я мысленно ставил галочки в своей голове, когда из моей спальни выходила очередная девочка. Ни одна ещё не отказывала мне, ни одной не удалось справиться с желанием раздвинуть передо мной свои ножки.

А как может быть иначе? Любая сходит с ума при виде меня.

Жаклин Лоусон была самозабвенно влюблена в меня все эти годы и повторному совокуплению со мной против точно не была. Об этом говорил её взгляд. Взгляд чёрных тусклых глаз, так и кричащих: «Возьми меня прямо здесь!», и розовый язычок за её губами, которые она зубками прикусывала.

Я ухмыльнулся своим мыслям, когда вспомнил, что говорят о Жаклин Лоусон её родственники, друзья и знакомые. Они уверенно вещают о том, что она чиста и невинна как дитя. О том, что она ждёт одного единственного мужчину, – своего будущего мужа, – и только на нём одном она будет усердно скакать.

Её родственники – кучка придурков, застрявших в 18 веке.

Но они не знали, что её первый секс был со мной на заднем сиденье моей машины, когда мы остановились около театра в одном из районов Лондона. Не знали и не узнают, что именно я уже давно лишил её девственности, что научил её сосать мне член, и что она так в этом преуспела, что никому кроме как неё я этого делать не позволяю. Взамен я пообещал жениться на ней, как только ей исполнится двадцать, а она до сих пор уверена в том, что так и будет. Глупая девочка. Очень-очень глупая.

Я подолгу сидел и смотрел на её губы, которые она прикладывала к краю чашки, попивая из горячего кофе, и временами облизывающий их розовенький язычок.

И я видел, как вырываю её язык вместе с её чёртовыми губами, и кровь капает, капает, капает на землю, пропитывая собой почву...

– Если хочешь, – сказал я тихо, немного поддавшись вперёд, – мы можем...

Договаривать мне не пришлось, ведь Жаклин поняла всё без лишних слов.

– Я... – что-то промычала она, когда я коснулся её щеки, а затем привлёк к себе, целуя в розовые губки.

И уже спустя всего пять минут я трахал её в своей спальне, стараясь насладиться её искусными стонами вдоволь. Без каких-либо препятствий я уже всю касался женского тела где мне только вздумается, осознавая, что на этот раз она превзошла саму себя с нашего последнего раза.

Скромница Жаклин Лоусон скакала и извивалась на мне так усердно и профессионально, что я вполне мог бы похвалить её вслух. Её стоны моментами казались слишком громкими, и я постоянно затыкал ей рот ладонью, почти до боли надавливая на губы.

И мне это чертовски нравилось.

Я с силой прижимал её руки к кровати, толкаясь в её киску, а она двигалась подо мной так, словно хотела вырваться, наверное, потому что я был немного груб. И тогда я сжимал тонкие запястья с ещё большей силой, представляя, как они с хрустом ломаются прямо в моих ладонях.

Надо же, эти мысли – что-то новенькое... Нечто возбуждающее.

Когда же мы закончили, сил у неё уже почти не осталось. Дыхание девочки сбилось, а из киски вырывались остатки моей спермы.

Я встал, натянул штаны и повернулся к зеркалу, стараясь привести в порядок растрепавшиеся волосы.

– Энтони... – прошептала Жаклин, часто дыша.

Она встала, по-прежнему голая, и даже умудрилась потянуться ко мне, чтобы дотронуться губами до моей щеки, но я легко перехватил её тощую руку.

– Ты свободна, – бросил я. – Никаких больше чёртовых поцелуев на сегодня.

Она удивлённо хлопала ресницами и растерянно перевела взгляд на мою руку, продолжавшую крепко держать её тонкое запястье. Затем отошла и, будто стесняясь, закуталась в одеяло, закрыв мне обзор на свою грудь с набухшими розовыми сосками.

– И что это значит? – спросила Жаклин. – Как это «свободна» и «никаких поцелуев»?

– То и значит. – Стоя у зеркала, я вновь посмотрел на своё отражение и заметил пару царапин, оставленных её коготками, на своём торсе. Издевательски я добавил: – Поцелуйи будут только после свадьбы.

– Энтони, я...

– Тебе пора идти, милашка.

Я вытащил красную рубашку из шкафа в гардеробной и надел её, оставляя несколько пуговиц расстёгнутыми. Цвет этой вещицы имел потрясающее сходство с кровью, и, наверное, именно по этой причине я так её любил.

Девочка пару минут ещё постояла возле кровати, укутанная в моё одеяло, и я даже увидел, как она вроде бы прослезилась, глубоко оскорблённая моим поступком.

– Только не в моей спальне, – раздражённо кинул я. – Иди хныкать у себя дома. – И издевательски я ещё добавил: – Или в плечо своего папаши.

Я прекрасно знал, что она ни за что не расскажет о том, что случилось между нами, своим родителям. Всю свою жизнь Жаклин играла роль всемирной скромницы, чуть ли не монашки, и точно не собиралась портить свою репутацию из-за секса со мной. Ей просто было бы стыдно в таком признаться. Вот поэтому я был уверен в себе и не прочь запихать член ей в глотку без последствий для себя.

И именно по этой причине я был спокоен, когда выставял её за дверь, а сам направился в душ, чтобы смыть с себя её прикосновения.

Когда же я, полностью обновлённый, спустился на первый этаж, наши чёртовы гости уже собирались обратно в свою роскошную квартиру с видом на Собор Святого Павла. Отовсюду раздавались чмокания в щёки и дружелюбные тошнотворные прощания, и только Жаклин стояла и натянуто улыбалась моим родителям, хотя взгляд её говорил совсем о другом. Онаглянула на меня с таким жалким видом, что удовлетворение во мне лишь ещё больше разрослось.

– Увидимся ещё! – произносила моя мать, обнимая на прощанье миссис Лоусон. – Через месяц, дай Бог, вернёмся.

– Удачи вам в вашей поездке в Нью-Йорк, – сказал мистер Лоусон, пожимая руку моему отцу. – Надеюсь, сделка пройдёт удачно.

– А иначе и быть не может, – ответил в ответ тот.

А я стоял, изображая искреннее дружелюбие, только одним чудом не переходившее на амикишонство.

И вскоре гости исчезли из вестибюля, вышли во двор, обветриваемые со всех сторон прохладой осеннего дыхания, и наконец сели в свой автомобиль, который затем быстро унесло восвояси.

Я наконец смог вновь вернуться в дом и сесть за стол, чтобы немного освежиться после бурного проглатывания удовольствия.

– Принесите мне красного вина, – обратился я к горничной, и та кивнула, двигаясь к двери.

К слову, я не запомнил ни одного имени. Обычно мне приходилось отличать наших горничных лишь по цвету волос или каким-то другим приметам вроде родинки на носу, косых глаз или больших ушей. Но в большинстве своём они всё же были похожи друг на друга как капли чёртовой воды, поэтому я не нашёл варианта лучше, чем просто проигнорировать то, что у них всех есть имена.

Родители вернулись в гостиную и первым делом поинтересовались тем, как мы с Жаклин провели время, о чём разговаривали и есть ли какие-то продвижения в наших отношениях. Внутри мой голос с ухмылкой отвечал, что я был доволен тем, как она крутилась на моей кровати, но вслух ответил:

– В основном, мы обсуждали её любимые книги. Она с таким восторгом поделилась со мной недавно прочитанным, что я еле остановил её... – Потом я улыбнулся. Так, как обычно улыбаются люди, когда вспоминают что-то потрясающее. – Жаклин просто невероятная девушка. Я не могу этого не признать.

Родители довольно просияли. Ещё бы, когда картинки в их головах уже покадрово показывали фильм, где мы с Жаклин женимся, заводим детей и ведём счастливую семейную жизнь.

– Значит ваше совместное будущее вполне вероятно, – улыбнулась мама. – Очень хорошо, мальчик мой. Продолжай за ней ухаживать.

К слову, я и в самом деле за ней ухаживал. Я присылал её любимые цветы по адресу Лоусонов, дарил дорогие подарки. Жаклин и сегодня приехала с бижутерией, которую лично я купил и подарил ей в прошлом месяце. Так что я искусно притворялся заинтересованным ей, как невестой, а не как чудной шлюшкой.

Горничная подоспела ко мне с бутылкой вина, налила немного в мой бокал и снова удалилась.

Мы с родителями сидели в тёмной, подсвеченной готическими светильниками гостиной, состоящей сплошь из чёрного дерева, которое обошлось отцу в нехилую сумму. Со стола уже мигом убрали всю недоеденную еду и грязную посуду. В воздухе всё ещё пахло духами Жаклин.

– Ты ведь помнишь о всех тех встречах и делах, которые остаются на тебе, сын? – спросил отец.

– Разумеется, – кивнул я. – Не волнуйтесь, всё будет сделано к вашему приезду.

– Мы в этом не сомневаемся, дорогой, – заулыбалась мама.

Я допил всё вино, что ещё оставалось у меня в бокале, и вытер рот салфеткой. Голова трещала по швам, и я встал из-за стола.

– Пойду, поработаю, – сказал я, поправляя на себе рубашку. – Нужно отправить отчёты о тех условиях, что пришли на днях на электронную почту.

– Да, кстати, уже завтра приедет твоя новая помощница, – После сказанного отец попросил горничную принести две чашки горячего чая и пару пирожных. – Даяна сама её одобрила.

Даяна, то бишь моя немолодая мать, кивнула и произнесла:

– Девушка приличная и ответственная. Думаю, с её помощью легче будет управиться со всеми этими бумагами.

Я поблагодарил родителей, а сам в мыслях ещё подумал: *«Ох, новая девочка? Да ещё и личная помощница, которая каждый день будет в моём распоряжении на целый месяц? Веселье меня ждёт незабываемое, чёрт возьми»*. А затем, после проскочивших мыслей, я наконец вышел из гостиной, захватив по дороге яблоко и откусывая небольшой влажный кусок.

В моей комнате всё ещё витал тот же запах духов, хотя кровать уже убрали и сменили постельное бельё. Теперь моя постель не пахла мокрым женским телом.

Я снял рубашку и повесил её на спинку стула, усаживаясь за стол. Голова всё ещё покалывала от усталости, но я сумел взять в руку лежащие документы. Провёл взглядом по напечатанному тексту на белой поверхности, вздохнул и отложил в сторону, при этом не забыв оставить внизу свою подпись. И точно такие же действия я проделал с оставшимися документами, а к концу уже весь выдохся. За окном показалась луна, небо стало почти таким же тёмным, что и моя душа, и я встал из-за стола, намереваясь лечь и заснуть.

Но сразу заснуть не получилось, ибо мыслями я был довольно-таки далеко. Они крутились в голове словно барабан, и отчего-то я думал сначала о работе, потом о всяких там девочках, побывавших в моей постели, и обо всех тех друзьях, что у меня были, и которые, как мне всегда казалось, пользовались моим положением в обществе. Наверняка их всех привлекал лишь мой банковский счёт, в особенности все те выродки, что любили приходить на разные вечера, устроенные в честь моего дня рождения или других торжеств, принятых в моей семье. Бухать и пожрать на чужие бабки казалось им весьма заманчивой идеей, хоть утверждали они совершенно обратное.

Я сильно удивился тому, что меня это беспокоило, и перевернулся на другой бок.

А потом перед глазами вдруг возникли картинки совершенно иные. Снова я оказался заложником кровавых сцен, не перестававших мелькать в самой сердцевине моего мозга. Они были яркими настолько, что, открыв глаза и услышав стук в дверь, я сумел избавиться от них не сразу: они отпечатались прямо на плёнках моих глаз.

– Войди, – сказал я и немного привстал.

– Мистер Максвон, звонил мистер Дэлл. Он пожаловался на то, что вы не берёте трубку и поинтересовался, пригласили ли вы его на свой день рождения.

Вот о чём я, собственно, и говорил.

Я лёг обратно, закрыл глаза и вскипел от злости, хоть и кровь бурлила лишь внутри меня, совершенно не показывая никаких знаков на моём лице.

Но всё же ответ я тоже выдал:

– Я понял. Можешь идти. Я сам ему перезвоню.

И горничная, кивнув, покинула мою комнату.

А я наконец почти сразу вырубился, и тех картин больше не было.

ГЛАВА 2

АНИКА СНЕЛЛ

Ответ на мой мэйл от секретаря мистера Максвона пришёл буквально на следующей неделе после того, как я заполнила анкету и отправила своё резюме на почту. Я чуть ли не прыгала на месте, пока перечитывала заветные два слова в письме:

«...вы приняты...»

О боже, как рада я была!

И именно одурманенная этой радостью я вскочила на крошечную кухоньку нашей жалкой квартирki в Чингфорде как безумная и громко пролепетала:

– Завтра выхожу на работу!

Джудит и Эмма поперхнулись чаем, Мэрилин очень широко и свойственно ей улыбнулась, а Рита, глядящая своего любимого питомца, – редкого попугая, которого ей очень повезло заполучить почти даром в одном зоомагазине, – выкрикнула что-то по типу: «*Юхуууу!*».

– Тебя всё же приняли? – спросила Эмма.

Эмма девушка очень красивая. Прямо-таки куколка в живом обличье. Волосы светлые, кудрявые, а глаза голубые, как у барби. Неудивительно, что почти каждый день приходилось подходить к двери, за которой кто-то очень настойчиво трубил в звонок, и встречать высокого симпатичного парня с его излюбленным вопросом: «*Эмма дома?*».

– Куда приняли? – присоединилась Джудит – полная противоположность Эмме. Конечно, тоже красивая, но эта красота совершенно другая. Каштановые блестящие волосы, глаза «покошачьи», пухлые губы, в которые она год назад залила немного силикона, большая грудь, привлекавшая внимание каждого проходящего парня... И, конечно же, тех самых парней, которые так же ошивались у двери в нашу квартирку. Правда, они хотели кое-чего большего от Джудит, нежели просто милую прогулку, как бывало у Эммы. А она, кстати, с радостью давала это «большее» почти каждому желающему.

Вообще-то Джудит с нами не жила, но частенько приходила в гости и порой засиживалась допоздна. Сегодня был один из таких дней.

– В особняк Максвонов, – почти гордо ответила я. Даже не заметила, как приподняла грудную клетку и выпрямила осанку.

– В самом-то деле, – произнесла Рита, а её попугай быстро повторил её фразу, сразу же получив печенье со стола.

Рита была любительницей покрасить волосы в самые разные цвета. Сегодня это был ядовито-зелёный. Глаза подведены чёрным карандашом, а одежда где-то на границе между нормой и безвкусицей. Всегда яркие и очень экстравагантные наряды.

Вот Рита совсем не получала мужского внимания, но её это нисколько не волновало.

– Да, – закивала я. – Представьте себе! Сегодня только получила ответ.

– И когда ты собираешься ехать к ним в особняк? – спросила Мэрилин, наша скромница, отличавшаяся от всех нас рыжими волосами и очень яркими зелёными глазами, выдававшими её ирландские корни. – В смысле, тебя, может, проводить? Они ведь живут так далеко.

– А где живут эти Максвоны? – спросила Эмма. – Я слышала только об их баснословном богатстве.

– Ты что, упала с дерева? – встряла Джудит, намазывая губы толстым слоем красной помады. – Кто ж не знает, где эта семейка живёт?.. В Виндзоре в огромном особняке, недалеко, кстати, от Виндзорского замка. Там же и резиденция королевской семьи находится! Говорят, дом Максвонов за всю свою историю принадлежал только всяким звездам и известным личностям. Обычным людям, как нам, он просто не по карману и никогда не будет.

– В самом-то деле, – вновь сказала Рита. Это вообще было её самой любимой фразой, хотя, скорее, звучало больше как обычная привычка. – Я хочу поглазеть.

– Никого туда не пускают. – Джудит уже закончила с губами и начала подкрашивать ресницы. – Только по пропускам всяким, разрешениям. Да ещё и охрана обыскивает у ворот.

Девчонки посмотрели на меня как на человека, который выиграл счастливый билет. Которому очень и очень повезло, однако я в этом ничего такого не видела. Для меня работа в доме семьи Максвон будет самой обычной работой. Разве что зарплату получать я буду намного больше, чем если бы пошла в какую-нибудь забегаловку вроде Макдональдса, как это делали девчонки. Однако мне совсем не хотелось идти по такому же простому пути. Я искала работу более сложную и такую, где пришлось бы выполнять какие-то важные поручения, не ограничиваясь обычными приёмами заказов от клиентов и подачей всяких бургеров за столики.

– А сколько там человек? – спросила Мэрилин.

– Много очень, – ответила всё та же Джудит. Сейчас она играла роль какого-то специалиста по Максвонам. Это и неудивительно, если вспомнить о её пристрастии к чтению всяких статей и журналов про знаменитостей. – Горничные, охрана, всякие помощники, привозящие продукты из Лондона, личные повара и уборщицы.

– Да нет же, я в том смысле, сколько у них там в семье человек?

– Муж, жена и их сын. Джек и Даяна Максвоны и Энтони.

– Повезло ребёнку, – мечтательно протянула Рита, откинув с ног свои ярко-жёлтые сандалии и усевшись на стуле максимально удобно. Чай перед ней уже давно остыл, и я подозревала, это она сделала нарочно.

– Да, только ребёнку-то все двадцать два года, – ухмыльнулась Джудит.

Подруги удивлённо подняли ухоженные бровки и, наверное, начали живо представлять себе этого богатого сына. Я его тоже не видела ни разу, но разве мне это было важно. Важным являлось только то, что меня приняли на работу, и этого мне вполне хватало.

– Расскажешь, как там и что, – попросила Джудит. – И как-нибудь Расскажи Энтони Максвону про богиню красоты.

Это она себя имела ввиду, понять было не сложно.

Я лишь улыбнулась и кивнула, мол, хорошо, расскажу, но сама не планировала ничего подобного. В мои обязанности знакомство сына мистера и миссис Максвон со своими подругами точно не входило, и как-то не хотелось вовлекать в свою работу друзей и знакомых.

– Что ж, удачи тебе. – Эмма искренне радовалась за меня. – Ты всё же своего добила, да?

– Ну в этом никто и не сомневался, – шуточно подмигнула я и подошла к зеркалу, чтобы убрать с лица усталость, которая всего несколько минут назад владела моим телом.

В прихожей уже стояло три чемодана, заполненных одеждой моих верных подружек, что на данный момент так беззаботно попивали чай на нашей кухоньке, заедая его банановым печеньем. Моего чемодана среди них не было; я собрала и отправила его домой к родителям ещё неделю назад.

Все мы подготовились к летним каникулам и, естественно, собрались покинуть нашу маленькую квартиру на три месяца.

Вообще-то каникулами и не пахло: каждая из нашей скромной компании будет работать в поте лица всё жаркое лето, которое многие из нашего университета наверняка проведут, загораючи и купаясь на море. А может отправятся в путешествие на какой-нибудь остров далеко посреди океана. Кто-то даже не станет никуда выходить и проведёт эти чудесные девятьдесят два дня дома перед сериалами и с хрустящим попкорном.

Я же первый месяц точно поработаю личным помощником у Максвонов, затем посмотрим, на какую работу ещё смогу быть способна.

Покончив со всеми манипуляциями перед зеркалом с волосами, я всё же села и выпила свой чай, который мне уже налила стоящая у плиты Эмма. На нашей маленькой кухоньке мы умещались с трудом, но и времени часто там не проводили. Обычно мы делились на пары: сначала завтракают, обедают или ужинают Мэрилин с Эммой, а затем уже я вместе с Ритой. К этому времени те, что покончили с пищей, одевались, готовясь к очередному походу в университет.

Именно по этой причине я, наверное, и стала свидетелем очень частых рассказов Риты о её увлечениях, проблемах с родителями и подобном. Наверное, в нашей компании я больше всего знала её как человека, если не считать Джудит, с которой чаще общалась в пределах университета.

Сегодня же на кухне завтракали все разом. Может быть, причиной этому стало то, что сегодня последний день в нашей скромной квартирке, а затем мы разъедемся по домам. Вернее было бы сказать, разъедутся все кроме меня. А почему? Вот чтобы детальнее это разъяснить я и выпила весь свой чай почти залпом и закинула в рот пару печенюшек, после чего удалилась в комнату, которую делила всё с той же Ритой.

Я живо открыла ноутбук и ввела пароль и логин от своей электронной почты, чтобы проверить письма. Письмо от отправителя под именем «*Секретарь мистера Максвона*» и с элегантным логотипом на аватарке, всё ещё стояло в списке всяких рассылок, рекламных объявлений и прочего. Я открыла прикрепленный файл к письму, который назывался «Договор», и начала проходиться глазами по тексту. Многие формальности я пропустила и перешла к тому, что меня больше всего интересовало.

«...Вам необходимо временно поселиться в особняке семьи Максвон на время работы, где Вам, несомненно, будет выделена личная комната.

Не допускаются никакие личные вещи кроме Вашей:

1) одежды;

2) обуви;

3) средств личной гигиены.

Всё остальное будет предоставлено Вам на месте.

Не допускаются приглашения Ваших друзей в особняк и организации вечеринок. Раз в неделю Вам выделен выходной, в который Вы сможете покинуть особняк и вернуться на следующий день.

Наш водитель сам прибудет к Вашему месту проживания и заберёт Вас. Никакой платы взиматься за поездку не будет.

Завтрак, обед и ужин бесплатны. Расписание будет предоставлено Вам на месте...»

Конечно, меня интересовал вопрос «*Почему же так всё строго?*», но, когда я вспоминала, какие деньжища эта семейка зарабатывает, этот самый вопрос сразу пропадал из головы. Многие богатые люди прибегают к помощи всяких телохранителей, и наверняка все эти пункты лишь меры безопасности.

Неожиданно телефон в моём кармане активно завибрировал. Я достала его и, взглянув на экран, немного нахмурилась, ведь номер был засекречен. Однако я никогда не была из тех, кто побаивается принимать звонки от неизвестных номеров, так что я сразу поднесла телефон к уху, ожидая, кто же это мне звонит.

– Мисс Аника Снелл, верно? Я набрал верный номер? – заговорил мужской низкий голос.

– Всё верно. Это я.

– Неделю назад вы ответили на нашу вакансию. Я звоню вам из особняка семьи Максвон. Меня зовут Джош Хигли, я секретарь мистера Максвона. Приятно с вами познакомиться.

– Здравствуйтесь... – Немного растерянная, я уже почувствовала, как ко мне начал подкрадываться страх. Неужели они передумали? – Что-то случилось?

– О, прошу вас не беспокоиться. Просто возникли кое-какие непредвиденные обстоятельства. Насколько вы знаете, к работе вам предстояло приступить завтра, но могли бы вы начать уже сегодня?

Я немного подуспокоилась, и то липкое и скользкое волнение отошло далеко назад. Однако вместо него пришло недоумение.

– Могу ли я спросить, почему? – поинтересовалась я.

– Разумеется. Дело в том, что мистер и миссис Максвон должны срочно улетать в Нью-Йорк уже сегодня после обеда.

– Подождите, но кому я должна буду... В смысле, чьей помощницей я собираюсь быть?

– Мистера Энтони Максвона. Разве вы не были в курсе?

Это было, конечно, немного неожиданно, ведь всё это время я считала, что личной помощницей буду как раз-таки старшего Максвона. Я даже успела быстро открыть самое первое электронное письмо и перечитать его начало. Действительно. Невнимательной или же забывчивой оказалась я, ведь там чётко указывалось, что работа как раз-таки связана с Энтони.

– Простите. Я, должно быть, просто невнимательно прочла ваше письмо.

– Не беспокойтесь... Если вы всё ещё не передумали, как насчёт сегодня? Готовы ли ближе к одиннадцати часам ожидать приезда нашего водителя?

Мне совершенно не хотелось упускать свой шанс и как-то подводить своих работодателей, поэтому я, глубоко вздохнув, конечно же, согласилась.

ГЛАВА 3

ЭНТОНИ МАКСВОН

Бобби Дэлл, мой друг с самого детства и самый бестолковый человек из тех, кого я когда-либо знал, позвонил мне с раннего чёртового утра.

Мой телефон, стоящий на тумбе рядом с кроватью, бил меня своим звоном по ушам, и я со злостью выхватил его, сам приподнимаясь со своего места и пытаюсь справиться с подкатившим к горлу желанием послать этого ублюдка нахрен.

– Да? – сказал я в трубку, и с той стороны послышалось громкое чавканье и хлопающие звуки.

– Э-э-энт, дружище-е-е! – прокричал этот идиот так, что голова у меня вновь затрещала. – С наступающим днём рождения! Я, чёрт, звонил тебе вчера целый день! Ты где пропадал?

Я закатил глаза и встал с кровати окончательно. Теперь смысла пытаться заснуть обратно совершенно не было.

– Извини, парень, – сказал я нарочно извиняющимся тоном. – Полно было работы вчера. Я после неё даже еле заснул.

– Понимаю, понимаю.

Нихрена ты не понимаешь, подумал я. Ни один день не провёл за работой, всё развлекался всю свою жизнь, бездумно тратя деньги своих богатых родителей.

– Будет ли завтра какая-то особо крутая программа, а, братец? – Бобби, должно быть, принял ухмылку на свою глупую физиономию. – Приглашать ли мне уже цыпочек? Предки вроде дом-то покидают.

– Верно. Их не будет целый месяц, но ты ведь знаешь, что этот месяц я проведу за работой. Нет у меня времени на развлечения.

– Чувак, ты чего? – Бобби сделал небольшую паузу и, судя по звуку, отправил в рот что-то хрустящее. – Тебе завтра двадцать три стукнет! Надо хоть иногда развлекаться. Грешишь ты.

Развлекаться-то я развлекался. Только я предпочитал проводить свой досуг в полной тишине в своей комнате, пока в голове беспорядочно взлетали бы вверх разные приятные мысли.

Кому нахрен сдалась эта ваша дружба с этими вашими друзьями, если есть занятия гораздо интереснее?

– Думаю, ты прав, – сказал я вместо того, о чём действительно подумал. – Пригласи всех, кого считаешь нужным. Только без чёртовых зануд, ладно?

– Вот это уже правильно, братец, – засмеялся Бобби, наверняка уже потирая ладони в предвкушении. – Будет сделано, мистер Максвон. До связи.

– Давай.

Я положил трубку и кинул телефон на кровать, сам же проходя в ванную комнату, чтобы принять душ и освежиться.

На моём чёрном столе в кабинете аккуратными стопками, словно солдаты, выстроились все документы; причём выстроились они в правильном порядке, по номерам, цвету и размерам. Ручки и карандаши лежали на специальной для них подставке, а тетради и блокноты стояли возле светильника, просунутые между стеной и документами. Кроме того, над столом и по всему кабинету висели большие длинные полки на всю стену с накопившейся на них коллекцией разных книг про войны, смерть и хаос. Наверное, ни один из моих дружков литературой не интересовался, но вот меня с детства тянуло в библиотеки, где я порой засиживался до поздней ночи.

– Мистер Максвон, – произнесла горничная за дверью моей комнаты, постучав три раза, – ваш завтрак стынет.

Часы показывали десять часов утра, и, наверное, именно из-за того, что я так поздно встал сегодня, внутри меня поселилось чувство не из самых приятных. Обычно я просыпался в семь, чтобы выйти на утреннюю пробежку и немного размять мышцы в тренажёрном зале подвального помещения нашего дома.

Я вышел из своей спальни и спустился вниз, где вовсю поперёк стола уже суетились чёрно-белые пятнышки, то бишь горничные. Они накладывали завтрак, наливали чай, ставили кофейник, тарелки и столовые приборы, клали салфетки, – и всё это для меня одного. Когда же я показался в поле их зрения, они скромненько быстро выпрямились и поприветствовали меня почти хором:

– Доброе утро, мистер Максвон.

Я выбрал проигнорировать их и сел наконец за стол.

Мне тут же сунули какие-то бумаги, едва я притронулся к чашке с чаем.

– Вот это нужно бы подписать, – сказал этот напыщенный индюк, работающий у отца секретарём. Я вообще удивился его присутствию, посчитав, что этого идиота точно также не будет дома.

– Разве твоя работа здесь временно не окончена? – спросил я, беря в руку протянутые бумаги. – Каким образом отец не взял тебя с собой?

– Как только подпишите, сразу удалюсь. Наставление вашего отца, мой дорогой друг.

Я незаметно стиснул зубы, борясь с ярким желанием выбить ему зубы за его самое излюбленное обращение ко мне.

Конечно, я не стал подписывать эти чёртовы листы бумаги вслепую; я внимательно прочёл всё, что было напечатано на белой поверхности и, убедившись в том, что это всего-навсего неоконченные документы по газу и нефти, а не какой-нибудь мошеннический способ что-то отхватить себе, приняв меня за дурачка, я оставил свою подпись.

Джош Хигли, этот напыщенный индюк, вечно одевающийся в какие-то тусклые костюмы и причёсывающий всегда мокрые волосы назад, улыбнулся, поблагодарил меня и попрощался.

– Удачи вам, мой дорогой друг. Впереди вас ждёт долгий и сложный месяц.

– Спасибо, – сухо ответил я и наконец принялся уплетать свой завтрак.

Тем временем столовая погрузилась в тишину. В эту сладкую и блаженную тишину, о которой я мечтал довольно-таки долгое время.

Двое горничных стояли возле двери на случай того, что мне может что-то понадобиться, и я подозвал одну, щелкнув пальцами.

– Принеси вино, – сказал я.

Она покорно кивнула и вышла из столовой, держа курс на кухню.

– Где мои родители? – спросил я вторую – ту, что всё ещё стояла возле двери.

– Они отъехали по делам, мистер Максвон, но скоро должны вернуться, – пояснила она, и в словах её был явно заметен французский акцент. – Ближе к двенадцати часам.

– Когда приедет новая помощница?

– Этого я не знаю, мистер Максвон. Мне ничего не говорили.

Я махнул головой и отвернулся, чтобы разбить сваренное яйцо. Чай почти остыл, и я отложил его в сторону, потому что пил его исключительно очень горячим и крепким.

С последней своей поездки в Шотландию родители как-то привезли чай – вонючий и отвратительный на вкус, но очень полезный. Вот сегодняшний день казался мне таким же, когда я глядел на свою чашку и раздумывал о жизни.

Завтрак я провёл в одиночестве, считая минуты до того момента, когда мне надоест. Но мне не надоело. Я сидел и сидел, временами глядя на то, как одна из горничных намазывала клубничный джем мне на тост или подливала кипятка в чашку с чаем. Часы тикали на стене, и,

наверное, только этот звук и звучал в столовой. Во все остальные же дни я был вынужден слушать трёп своих предков, что не прекращали без умолку болтать. Большинство тем их разговоров, конечно, были связаны с нашим семейным бизнесом, которым я точно также занимался. Всё-таки благодаря ему мои карманы трескались по швам от тех денег, что в них хранились.

Снаружи вдруг раздался такой звук, который обычно бывает, когда ты почти поглощён своими мыслями, но всё ещё отдалённо что-то да слышишь. Это, оказывается, кто-то въехал во двор. Машина нашего водителя припарковалась у той дурацкой статуи, которую мама заказала у какого-то известного скульптора. Сначала я посчитал, что подъехала новая личная помощница, однако из машины вылез мой отец.

Я встал, встряхнув с себя крошки тоста, и поправил рубашку, потому что всегда считал, что выглядеть безупречно это долг каждого.

Отец вошёл в дом уже спустя пару минут.

– Как хорошо, что ты уже на ногах, сын, – сказал он, подходя к столу. – Садись и продолжай завтрак, пока, так скажем, наша гостья не прибыла. – Отец приподнял руку и взглянул на запястье, на котором держались дорогие часы. – Она подъедет с минуты на минуту... Блэр, подай мне зелёного чая.

Я действительно сел на своё место и уставился на часы, висевшие на стене.

Завтра утром приедет бестолковый идиот Бобби вместе со своими друзьями, которые ничем не лучше него, и наверняка несколько грудастых девочек, желающих поглазеть на роскошный дом Максонов. Я в уме представлял, как вся эта делегация проедет сотни километров, чтобы добраться до особняка, и как будет долго и изнурительно проходить контроль у наших телохранителей.

Ещё я почему-то подумал, как здорово было бы их всех сбросить с обрыва, который открывает роскошные виды на лес и высокие горы у нас на заднем дворе. Они бы упали вниз точно как камни и разбились об твёрдую землю точно как стекло...

– Ты уже подготовил все те документы, которые висели на тебе с позапрошлого месяца?

Я не сразу понял, что отец обращался ко мне, – вот настолько был поглощён мыслями, – поэтому минуту молчал и смотрел в одну точку, пока не заметил его взгляд на себе.

– Да... – Я прокашлялся, чтобы говорить чётче. – Да, сделал всё вчера ночью.

Отец как-то слишком долго вглядывался мне в лицо, что я почти видел своё собственное отражение в его глазах. Обычно этот взгляд предвещал долгий и нудный разговор, который мог выбить из меня все силы, поэтому я улыбнулся и встал со своего места, однако сделал это осторожнее и как бы ненавязчиво.

– Как вы с мамой собираетесь провести годовщину? – спросил я, искусно меняя тему. Для большего эффекта я взял с полки небольшую фотографию в позолоченной рамке. Со смешком я добавил: – Уже ведь сто лет прошло, если не ошибаюсь.

Выражение лица этого старика в миг изменилось, ведь все разговоры о его любимой жене, – любви всей его жизни, как он говорил о ней и что бы это ни значило, – в миг могли поднять ему настроение, а в глазах разжечься особенному огоньку. Обычно люди пишут книги, снимают фильмы и говорят об этих огоньках как о символе самого прекрасного чувства на свете, но умные люди понимают, что на самом-то деле это всего лишь иллюзия, которую каждый видит, как он сам хочет.

– Да, сто лет и сто веков, – сказал отец, улыбаясь и глядя на фотографию в моей руке. – Мне кажется, с твоей мамой я провёл несколько жизней. И, конечно, нашу годовщину мы проведём в излюбленной твоей мамой Венеции, как только покончим с делами в Нью-Йорке.

– Дела, думаю, пролетят незаметно, зная тебя, отец.

– О, я на это надеюсь всей душой, сынок.

Я положил дурацкую фотографию обратно на полку и взглянул на своего старика. Вид его был уже потрёпанный долгими поездками в разные страны по работе. Отдыхал он гораздо

меньше меня и часто засиживался допоздна в своём кабинете, и потом всю ночь я слышал, как его пальцы искусно управляют с клавиатурой ноутбука, пока он в очередной раз печатает какое-нибудь электронное письмо. Волосы давно поседелели, а лицо обзавелось морщинами, прибавив отцу несколько лишних лет.

– Когда-нибудь ты почувствуешь тоже самое, сынок, – сказал он вдруг, и я даже сперва не понял, о чём шла речь. – Наверняка ты *уже* чувствуешь что-то к дочке Лоусонов. Вы ведь столько лет знакомы и здорово проводите время вместе. Я вижу, как она на тебя смотрит.

А я вижу и чувствую, как ломаю ей шею, и я готов снова и снова проматывать эти картины в голове до тех пор, пока они не станут явью, подумал я, однако такие слова были бы весьма неуместны, так что я сдержался от подобных высказываний.

– Возможно, ты прав, – улыбнулся я, и на этом вроде разговор об этой идиотской штуке под названием любовь был окончен.

В дверь постучалась очередная горничная, предупредила, что юная мисс Аника Снелл уже приехала, и спросила, можно ли пустить её в столовую. Отец оживился и дал своё разрешение.

Мы оба встали из-за стола, как подобает истинным джентльменам, да и в принципе воспитанным людям, а за нашими спинами несколько подросших горничных принялись убирать со стола лишнюю посуду и недоеденные блюда.

Я взглянул на часы и снова вспомнил о запланированной на завтра вечеринке в честь своего дня рождения, и вновь мне стало дурно.

Дверь отворилась, и вместе с той самой горничной, что пришла оповестить нас о приезде моей новой помощницы пару минут назад, в гостиную вошла миниатюрная девочка в рубашке и юбке, которые напоминали наряд всяких сексуальных секретарш, каких мы сто раз видели в эротических сюжетах. Она держалась весьма скромно, однако в этой скромности словно были какие-то отголоски строгости. Сочетание более чем интересное, и я просто не смог сдержаться ухмылки. На самом деле мысли о том, что моей новой помощницей может оказаться какая-нибудь полная женщина лет сорока, временами возникали, однако теперь, конечно, они затонули в моей голове окончательно.

– Мисс Снелл, добро пожаловать! – поприветствовал её отец, протягивая руку. – Надеюсь, поездка вас не слишком утомила?

– Нет, спасибо. – Она слабовато улыбнулась и поправила светлую прядь, случайно выбившуюся у неё из пучка, собранного сзади. – Благодаря вашему водителю мне было гораздо легче.

Когда настала очередь рукопожатия со мной, девочка посмотрела мне в глаза и широко улыбнулась, держась всё так же прямо и стойко.

– Здравствуйте, мисс Снелл. – Улыбнулся и я, взяв её маленькую белую руку в свою ладонь. – Я Энтони, и я безусловно рад вас у нас приветствовать.

– Приятно познакомиться, мистер Максвон. Надеюсь, я вас не подведу.

Её последние слова показались мне очень притягательными, в каком-то смысле даже непристойными и сладкими, так что я кивнул ей и едва сдержался от того, чтобы не ухмыльнуться.

– Лола! – громко позвал отец. – Подойти сюда!

К нам поспешила немолодая служанка с очень пышными формами и большими щеками. Обычно большую часть своего времени она работала на кухне и благодаря этому, подозреваю, часто устаивалась возможности захватить пару лишних калорий. Звали её Лола, но часто звучало и Лолли, будто бы она имела хоть какое-то сходство с леденцами. Сейчас она подошла к нам с обзаведшимся красным пятном фартуком и попыталась его быстро снять. Наверное, мне не казалось, что она всегда пыталась флиртовать с моим отцом. Всё-таки я, скорее всего, был прав, считая, что она постоянно смотрела на него как на божество, спустившееся с небес.

– Да, мистер Максвон? – пролепетала она. Буквально. Она очень постаралась, чтобы её голос прозвучал приятно.

– Это мисс Аника Снелл, новая помощница моего сына. Расскажите ей как тут всё устроено и проведите небольшую экскурсию. Если вдруг ей понадобится помощь, я доверяю её в ваши руки, Лола.

– Конечно, мистер Максвон, – засияла Лолли. – Будет сделано.

– Благодарю. – Отец вытянул руку и взглянул на часы. Затем посмотрел на меня, многозначительно положив свою твёрдую ладонь на моё плечо. – Я доверяю тебе все свои дела, сын, и уверен, ты справишься.

– Справлюсь, – кивнул я. – Можешь на меня рассчитывать, отец.

Он довольно кивнул мне в ответ, попросил водителя, прибывшего минут пять назад и стоявшего возле дверей, завести машину и натянул свой плащ, который быстро принесла всё та же Лола. Затем я проводил его до автомобиля, и он наконец тронулся с места, выезжая из двора и устремляясь прочь.

Погода на улице стояла весьма мрачная: дождь начал стучать по крыше, стекать крупными каплями по кустам, статуэткам и беседке, а облака всё собирались и собирались в крупные тучи. Наш особняк располагался в таком месте, что можно было часто заметить опускающийся туман, который особенно хорошо был виден именно вот в такую погоду. Вот и сейчас, когда дождь стал сильнее, всё вокруг окутала тонкая дымка. Я такую погоду просто на дух не переносил, поэтому быстро взобрался по ступенькам обратно в дом, не дав каплям дождя попасть на мою рубашку.

Работа предстояла долгая и довольно сложная, поэтому приступить к ней я собирался через час или два.

А пока я наблюдал за тем, как маленькая и тоненькая фигурка девочки по имени Аника Снелл медленно шла за рассказывающей о доме Лолой, а лицо её приняло небольшую вежливую улыбку и заинтересованность.

Наверное, будет весело.

ГЛАВА 4

АНИКА СНЕЛЛ

Я приехала по адресу ровно к двенадцати, как мы с мистером Хигли и договаривались по телефону.

Водитель, – чёрствый мужчина с глубокими морщинами на лбу и безобразным шрамом на пол-лица, – показался мне каким-то очень мрачным типом, моментами поглядывающим в мою сторону через зеркало заднего вида, так что я заставляла себя смотреть только на те деревья, что пролетали мимо машины, в которой мы ехали по долгой и, как мне казалось, просто нескончаемой дороге.

Но вот, когда моя усталость уже почти показалась и дала о себе знать лишь в начальной своей форме, лобовые стёкла открыли вид, который поразил меня до глубины души и напрочь стёр все мои предыдущие догадки и представления, которые появлялись в голове, когда я читала про эту семью.

Огромный, просто громадный особняк стоял, словно гора, возвышаясь над остальным крохотным мирком. Он будто смотрел на нас всех сверху вниз и ухмылялся, грозясь раздавить любого, кто потревожит его. Деревья же вокруг напомнили мне своеобразных воинов или телохранителей, оберегавших дом от всех незваных гостей, и я даже подумала, как хорошо, что я как раз-таки в числе приглашённых.

Я будто оказалась в каком-то готическом фильме про графа Дракулу.

– Мы приехали, – почти грозно произнёс водитель. – Можете выходить, мисс.

Его последние слова прозвучали так, будто он просит меня скорее слезать и сваливать восвояси, поэтому я схватила свою сумку и спешно выбралась из машины, ступая на твёрдую, посыпанную жёлтыми и оранжевыми листьями землю. Водитель вышел следом и вытащил мой скромный чемодан, поставив его рядом со мной.

– Только будьте осторожны, мисс.

Я удивлённо повернулась к нему, заинтригованная его словами, которые он произнёс с какой-то неожиданной заботой, глядя на меня почти по-отцовски. Но затем он вновь вернулся в машину, нажал на газ, и она тронулась, заезжая во двор через открытые позолоченные ворота, которые открыли два молодых человека. Один из них, кстати, дружелюбно мне улыбнулся и даже помахал.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, когда подошла к воротам ближе. – Я Аника Снелл. Мистер Максвон нанял меня в качестве личной помощницы.

Всё это я поведала крупному мужчине, который сурово оглядывал меня с ног до головы, медленно проходя взглядом по всему моему телу. Затем он сказал что-то своему напарнику, стоящему чуть позади, и только после того, как тот подтвердил мои слова после короткого звонка, видимо, своему боссу, охранник №1 попросил меня поднять руки. Да, я знала, что меня будут обыскивать, но даже понятия не имела, как при этом унизительно я буду себя чувствовать.

Как бы то ни было, конечно, ничего запретного у меня не нашли, так что я прошла во двор уже без препятствий. Ко мне подоспел один из тех молодых людей, что открыли ворота, и взял мой небольшой чемодан, где хранилась моя одежда, с намерением помочь дотащить это всё дело до самого дома.

Сначала мы прошли через большое парковочное место, затем оказались окружены розами и миновали деревянную беседку, накрывающую своей тенью столик и длинную скамью.

Пока мы шли, я натыкалась на работников особняка, видела девушек в костюмах горничных, протирающих статуи, что стояли во дворе окружённые небольшими работающими

фонтанчиками, видела молодых людей, тащащих какую-то мебель под руководством громкоголосого мужчины.

Вся эта готическая атмосфера подкреплялась ещё и пасмурной погодой и туманом, опустившимся на двор.

Я, конечно, смотрела на всё раскрыв рот от изумления, ведь впервые оказалась в таком роскошном особняке. И когда мы наконец добрались до входной двери, её нам открыла горничная. Такое было ощущение, будто я попала в замок самого короля.

– Аника Снелл? – спросила она. И после моего кивка открыла дверь шире. – Прощу за мной.

Я вошла в огромную прихожую, обставленную лишь большим шкафом без дверей, но с длинными полками для обуви, и столиком, на котором стояла ваза с цветами. Пол весь состоял из чистого дерева, а на стенах висели картины.

Девушка прошла дальше, и я последовала за ней, боясь ненароком потеряться в лабиринте коридоров этого дворца.

Дальше мы оказались в широком коридоре с дверьми и деревянными ступеньками, ведущими вверх, на которых лежал бордовый ковёр. Как раз через двойные двери, находящиеся на самой дальней стороне, мы и вошли в гостиную, которая своим размером могла бы соперничать с каким-нибудь кинозалом в крупном кинотеатре.

В гостиной, состоящей из того же чёрного дерева, что и прихожая, ровно посередине, игнорируя остальную мебель, стоял огромный накрытый стол, а перед ним двое мужчин. Один был явно самым мистером Максвоном, хозяином всего этого роскошества, и я сразу поняла это по его примерному на вид возрасту. Но вот второй был гораздо-гораздо моложе.

Мы подошли ближе, и я улыбнулась, стараясь произвести хорошее первое впечатление.

– Мисс Снелл, добро пожаловать! – поприветствовал меня старший, протягивая свою ладонь. – Надеюсь, поездка вас не слишком утомила?

– Нет, спасибо. – Я улыбнулась и слегка наклонила голову, из-за чего прядь волос, которая была немного короче, вдруг выбилась из причёски, и я поправила её. – Благодаря вашему водителю мне было гораздо легче.

Нужно было поздороваться и со вторым, поэтому я повернула голову в его сторону и улыбнулась шире, глядя ему прямо в глаза, ведь так я хотела показать свою уверенность.

Красив, *слишком* красив. Просто идеален.

Это первое, о чём я подумала. Джудит, будь она здесь, сразу пустилась бы в безудержный флирт.

Ни на его лице, ни на одежде не было ни одного изъяна. Волосы, которые были идеально расчёсаны волосинка к волосинке, светлые, скорее даже светло-русые, с каким-то золотистым отливом. На теле, над которым он точно работал каждый день, сидела хлопковая алая рубашка с короткими рукавами, несколько пуговиц которой были расстёгнуты на груди. А его глаза могли бы соперничать с той серой и дождливой погодой, что сейчас орудовала на улице, – они почти одного оттенка.

Он так красиво мне улыбнулся, что мне пришлось сдержаться от смущённого кашля, однако внутренне остаться на чеку. Я всегда считала, что таких красивых людей нужно остерегаться и быть перед ними особенно бдительными. Красота может многое скрывать, и благодаря ей многое прощается. Вот эта природная особенность может принести тебе кучу проблем, если не уметь правильно с ней обращаться.

– Здравствуйте, мисс Снелл, – сказал молодой человек и взял мою протянутую руку в свою, легонько её пожимая. – Я Энтони, и я безусловно рад вас у нас приветствовать.

– Приятно познакомиться, мистер Максвон, – кивнула я. – Надеюсь, я вас не подведу.

Мне может и показалось, но кажется его губы немного дрогнули в ухмылке, но я постаралась не придавать этому никакого значения.

После того, как старший Максвон подозвал некую Лолу, чтобы та показала мне, как тут всё дома устроено, он уехал, не забыв пожелать мне удачи. И я даже в какой-то мере была рада тому, что ближайшие полчаса буду занята осмотром особняка.

– Кухня вот здесь, – инспектировала меня женщина по имени Лола, однако она попросила меня называть её Лолли. – Дальше по коридору – комнаты прислуги, справа находится выход на задний двор, а слева – дверь в подвальное помещение. Там находится спортивный зал, где мистер Максвон проводит почти каждое своё утро. Я имею ввиду младшего. – Лола потёрла руки будто в предвкушении, затем продолжила: – А теперь, деточка, пойдём-ка наверх.

Так мы и сделали.

Поднявшись на второй этаж, я встретила ещё больше роскошества, чем то, что предстало передо мной внизу. Картины известных художников, статуэтки, позолоченные детали на мебели, огромные люстры, – всё это убранство наверняка всю жизнь служило мечтой каких-нибудь грабителей, желающих разбогатеть. Родившись в семье, которая практически всегда экономила на самых простейших продуктах, вроде хлеба, я была до глубины души поражена тому, как же всё-таки беспроblemно живут некоторые люди. Им не нужно ограничивать себя в чём-то, и даже наоборот – они всю тратят свои миллионы на подобную ерунду как элементы декора.

– А вот здесь у нас спальня Энтони.

Лолли открыла дверь, и мне предстала просторная комната, такая идеально чистая и убранная, что я даже засомневалась в том, что тут кто-то живёт. Двухспальная кровать, которую, кстати, можно было прикрыть при помощи длинной прозрачной шторы, завязанной сейчас в сторону, тумбы по двум сторонам от неё, камин, большой шкаф и дверь в ванную находились в одном помещении, но вот чуть дальше стена делилась на арку, в которую можно было ступить, обойти рояль и войти в одну из двух дверей, за которыми тоже что-то находилось.

– Сюда входить без разрешения запрещено, милочка, – продолжала Лолли. Потом она как-то странно огляделась по сторонам, будто желая убедиться в том, что нас никто не подслушивает, а затем добавила почти шёпотом: – У мистера Максвона, как мы считаем, есть некая... психическая особенность.

Я нагло соврала бы, если бы сказала, что меня это не заинтересовало, поэтому я невольно немного наклонилась к женщине.

– Вроде ОКР³, – видно, довольная тем, что мне стало любопытно, продолжила Лола. – Но это не точная информация, никто не подтверждал. Однако я в своё время изучала психологию, пока мне не пришлось бросить всё и уехать, так что немного в этом всём я разбираюсь.

– Но причём здесь ОКР? – спросила я, не уловив сути сказанного.

– Мы частенько видим, как он судорожно поправляет книги, бумаги, тетради или ручки на своём столе. Постоянно. И он ужасно злится, если кто-то входит в его комнату и переставляет какую-нибудь вещь, пусть даже совсем маленькую и незначительную. Наверняка что-то такое в голове всё-таки есть.

Я особого значения её словам не придавала, ведь мне не было никакого дела до каких-то своеобразных заморочек хозяев этого дома, но сделала вид, что всё поняла. Но в самом деле, конечно, я действительно поняла, что не буду входить в эту спальню без разрешения мистера Максвона, да и не собиралась. Меня достаточно хорошо воспитали в детстве, и без условного стука я никогда не входила в чужие комнаты.

– Но это ещё не всё, – вдруг прошептала Лола, когда уже закрыла дверь и повернулась ко мне. – Есть ещё кое-что такое, о чём тебе, наверное, было бы интересно послушать.

³ Обсессивно-компульсивное расстройство – это заболевание, вызывающее навязчивые мысли, которое могут привести к компульсивным действиям.

Я уже поняла всю суть этой полноватой женщины с забавным прозвищем Лолли и всю её любовь к сплетням и подобной ерунде, и мне было хорошо известно, что от таких людей сложно избавиться, поэтому просто смиренно стояла на месте, делая вид, что мне жуть как интересно.

И тут она начала что-то говорить, как неожиданно прозвучал голос. Лола тут же замолкла, будто до этого и не болтала без умолку. Я даже увидела, как она нервно сглотнула.

– Ты уже весь дом показала мисс Снелл? – спросил Энтони, закатывая рукава своей рубашки.

– Д-да, мистер Максвон, – закивала Лолли. – Как раз закончила показывать вашу комнату.

Он в ответ легонько улыбнулся и поблагодарил её. Я решила, что он подойдёт ко мне и даст моё первое задание, однако Энтони, полностью проигнорировав меня, просто вошёл в свою комнату и захлопнул дверь.

– Твоя работа начнётся с завтрашнего дня, деточка, – поведала мне Лола, и мы вместе двинулись дальше по коридору, чтобы я смогла познакомиться со своей временной комнатой.

ГЛАВА 5

ЭНТОНИ МАКСВОН

Я отправил все необходимые рассылки помощникам отца, что работали в офисе в Лондоне, и наконец смог отдохнуть. У меня это заняло часа два.

В моей спальне было тихо. Блаженно, умиротворённо и почти до невозможности приятно. Я взглянул на книги, что стояли надо мной ровными стопками на полке, пересчитал их, перебрал по цветам и смог расслабиться. Этот ритуал я совершал каждый раз, когда мне предстояло провести много часов за ноутбуком.

Я встал с кресла и хрустнул шеей. Снял рубашку, надел новую и позвонил на кухню, попросив принести мне белого сухого вина. Спустя всего минуту мне его принесли.

– Как осваивается мисс Снелл? – спросил я пришедшую в мою комнату с подносом в руке девочку с каштановыми кудрями.

Каштановыми, каштановыми, каштановыми...

– Всё хорошо, – улыбнулась она мне, затем опустила глаза, проходя в спальню глубже.

Я проводил её взглядом, оглядел с ног до головы, увидел, как бела и свежа её кожа.

Как было бы здорово повалить её на кровать и привязать за руки. Взять нож, сделать пару надрезов и смотреть, как она в страхе просит меня отпустить её, как плачет и захлёбывается в слезах.

Как она боится меня.

О да, да, да. Прекрасно, слишком прекрасно.

Я прикрыл глаза, и мне так понравились мои мысли, что сердце судорожно застучало в груди, будто приятно возбуждённое.

Потом почему-то в голове возникли картины, пропитанные чем-то алым и сочным. Да, безумно красивые картины, само совершенство, отдельный вид искусства. Это была стекающая кровь, острое до боли лезвие, падающее на пол, окровавленная кровать, разбросанная одежда и тело с перерезанным горлом. Я видел, как оно лежит мёртвое, бледное и уже холодное. Я почти ощутил эту прохладу на кончиках пальцев.

Что это? Интересно...

Я встал и тихо подошёл к горничной сзади. Чаще всего я видел её раскладывающей еду во время завтраков. Та самая девочка, бросавшая на меня взгляды тем вечером, когда к нам наведались Лоусоны. Да-да. Это она.

– Ещё чего-нибудь, мистер Максвон? – спросила она.

Но когда она повернулась, я стоял перед ней всего в нескольких миллиметрах. Девочка сглотнула, а я невольно опустил взгляд на её белую тонкую шею. Такую, чёрт, тонкую, что я мог бы одной рукой, не прикладывая особых сил, сжать её до хруста в позвоночнике. И этот хруст в голове у меня тут же заиграл приятной мелодией.

Чёрт, а почему бы мне не попробовать? Ведь жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в удовольствии.

– Мистер Мак... – произнесла девочка, судорожно глотая ртом воздух.

Но не от страха она это делала, нет.

Мы оба были возбуждены. Правда, в разных значениях. Она явно меня хотела.

Я осторожно провёл рукой по её кудрям так, будто хочу показаться ей нежным. Она прикрыла глаза, и плечи её опустились, словно всего несколько секунд назад напряжение текло по венам вместо крови, и только в эту секунду она смогла расслабиться.

– Ничего не говори, – прошептал я.

А рука моя сначала скользила по её голове, по волосам, спускаясь всё ниже и ниже, затем обхватила её белую шейку. И ей это нравилось, ведь я видел, как грудь вздымалась, как сердце постукивало, заставляя кожу вибрировать.

Но мне пока нравилось не особо.

И тогда я закрыл ей рот второй рукой, продолжая держать за шею другой. Девочка, наверное, почувствовала что-то неладное, так как быстро открыла глаза и взглянула на меня, наверняка пытаюсь понять, игра ли это или что-то более серьёзное.

На моих губах дрогнула ухмылка. Она описала все бушующие во мне чувства, стала неким знаком того, что я собираюсь сделать. А девочка теперь немного дёрнулась, а в глазах её что-то появилось.

И, чёрт возьми, какое же блаженство я испытал, когда увидел *это* в её глазах. Страх и только зарождающийся ужас, которые вскружили мне голову. Что-то, что просто невозможно описать словами. И *это* так красиво сочеталось с её каштановыми волосами...

Я сжал ей губы, почти вонзив пальцы в щёки, а она издала какой-то писк. Я увидел, как её рука поднялась, чтобы оттолкнуть меня в сторону, но конечно я не дал этому случиться.

– Ммм, – что-то промышала она в мою ладонь, а взгляд бегал по всей комнате.

Она слишком слабая, слишком хрупкая и тощая, чтобы оказывать сопротивление. И так дело не пойдёт.

Мне хотелось с ней играть. В кошки-мышки, где она беззащитная жертва, а я кровожадный хищник, готовый разорвать её на кусочки.

Я немного ослабил хватку, дав ей возможность вырваться.

– Мистер... – Она учащённо дышала, потирая шею. – Мистер Максвон... Что это...

– Ничего. – Я улыбнулся, точно так же, как всегда делал, когда использовал искусство манипулирования. – Всё хорошо, милашка.

– Извините, но я должна идти работать.

Она действительно быстро прошла мимо меня прямо к двери, чтобы покинуть мою комнату. Но это ведь игра. Нужно было дать ей крохотную надежду и быстро её отобрать.

– Нет, – улыбнулся я ещё шире, схватив её за запястье. – Ты отсюда не выйдешь. Я ещё не закончил.

– Я... – Она похлопала своими глазками, будто лишь взглянув в них я мог передумать. Но я ведь не так слаб. – Простите, но...

В следующую секунду я прижал её к двери. От неё шёл очень вкусный аромат, будто она была свежее испечённой булкой. Я уткнулся носом в её каштановые волосы, рукой вновь возвращаясь к шее. И девочка будто бы и не сопротивлялась, когда вторая моя рука начала блуждать по её телу.

Но вот промах – именно этой вот второй рукой я вытащил из выдвижного шкафа в паре сантиметров от себя нож. Такой острый, что при одном взгляде на него, думаю, можно было порезаться. Но пока было рано им воспользоваться. Я долго хранил его там, любовался, представлял себе много чего, получал удовольствие, но никогда не думал, что мне придётся его использовать.

Нож с золотой рукояткой с небольшим кусочком настоящего рубина и сверкающим лезвием, который служил украшением моей комнаты, пока я не снял его со стены, чтобы подержать в руках, а затем просто не смог повесить его обратно.

Вот день, когда я могу пустить его в ход, настал.

– Ложись на кровать, – сказал я в ухо девочке. – Без лишних разговоров. Просто ложись.

Она повернулась ко мне и отрицательно покачала головой.

– Простите, но я не могу... У меня есть жених.

Как очаровательно, что она об этом решила вспомнить только после того, как страх коснулся её кожи.

Я вновь улыбнулся, словно меня растрогали её слова, однако нож всё так же держал в руке.

И она его на этот раз заметила.

В глазах возникло сначала изумление, затем недопонимание, и только когда наши взгляды встретились, девочка всё прекрасно поняла.

Она схватила ручку двери, но я всего одной рукой толкнул её на кровать, почти не прикладывая никаких сил. Она упала, и я навис над ней. Я сжал ей шею одной рукой, пока она пыталась вырваться, а второй медленно провёл лезвием по белой коже. И ощущение прохладного металла останавливало её резкие движения.

– Не прекращай сопротивляться, – сказал я почти разочарованно. – Борись же за свою ничёмную жизнь.

Девочка беззвучно заплакала. Из глаз струились крупные слёзы, стекали по её волосам прямо на простыни, а я с великим удовольствием наблюдал за этим.

Нет чувства более приятного, сказал себе я. Да, нет ничего приятнее, чем лицезреть ничёмность, жалкость и хрупкость чьей-то жизни. Ты можешь просто забрать её, когда тебе вздумается. Ты решаешь, когда и кто умрёт, следует лишь взять в руку острый нож.

Всё.

Ты – Царь в своём мире.

– Пожалуйста... – прошептала она. – Не надо.

– Ты мне нравишься, милая, – произнёс я, поглаживая её волосы. – Правда, нравишься. И поэтому я выбрал тебя как свою первую.

Она больше ничего не сказала. Просто не успела.

Я уже воткнул нож прямо в её тонкую и хрупкую шею и сразу же вытащил, чтобы взглянуть на результат. Образовалась небольшая щель, из которой в миг полилась тёплая, пока ещё свежая кровь. Она обрызгала простыни, испачкала мою рубашку и даже попала мне в лицо. А девочка подо мной, ещё живая, дёргалась в агонии, пока её рот издавал хлюпающие звуки. Глаза раскрылись, будто она только сейчас осознала, что я только что сделал с ней.

Я недовольно оглядел её жалкие попытки ухватиться за маленький шанс выжить, глотнуть воздуха, который, как ей, наверное, казалось, был способен спасти жизнь. Грудь резко поднималась и опускалась.

А мне надоело за этим наблюдать.

Тогда я схватил обеими руками её шею. Вообще, мне вполне хватило бы сил задушить это жалкое существо используя лишь одну руку, но мне просто не хотелось оставлять вторую без дела. Хотелось запечатать в крови обе, чёрт возьми.

Совсем скоро девочка перестала издавать какие-либо звуки и замерла. Её руки скользнули по моим запястьям, упали на кровать, а грудь больше не вздымалась, свидетельствуя о смерти.

Поверить не могу...

Вот так я, получается, и совершил своё первое убийство.

Неожиданное, спонтанное, но до дрожи приятное. Меня одолело какое-то спокойствие после содеянного. Мне стало хорошо. В голове засверкали искорки безмерного счастья, словно я добился того, чего давно желал.

Я откинул нож, обляпанный кровью по самую рукоятку, запачканными пальцами закатал рукава рубашки, провёл рукой по волосам, наверное, и на них оставляя полосы красного цвета.

Оглядев труп, я понял, что нужно его куда-то припрятать. Это решение пробралось в мою голову спонтанно. Как-то автоматически. Я даже не успел толком подумать.

В моём кабинете стоял огромный шкаф для документов, и одна полка, которая скрывалась за выдвижной дверцей, оставалась пустой со дня своего тут появления. Но она недоста-

точно широкая, чтобы туда можно было сложить целое тело, однако решение этой проблемы я нашёл сразу.

Сначала я раздел девочку, выбросив весь её наряд в камин, в котором уже развели огонь, снял с неё серёжки и цепочку, на котором были выгравированы имена: мужское и женское. Должно быть, подарок от её жениха, о котором она мне поведала всего несколько минут назад. Потом я завязал ей волосы в пучок, чтобы они не путались у меня между пальцев.

Я взглянул на нож, пытаясь прикинуть, понадобится ли он мне снова. Я мог бы отделить части тела и разложить их по всей свободной полке. Однако в этом случае мне пришлось бы долго отмывать всю свою комнату от крови. Мне этого совершенно не хотелось делать, так что я просто прибегнул к другому варианту.

Я схватил её руку у плеча и резко вывернул. Пришлось приложить немало усилий, чтобы раздался долгожданный хруст, и кость выскочила из сустава. Таким образом теперь её рука висела как на тонкой нитке и совсем больше мне не мешала. Тоже самое я проделал с остальными конечностями, и теперь передо мной лежал не человек, а всего лишь тряпичная кукла, которую я с лёгкостью смог сложить в шкаф: теперь же она отлично умещалась внутри.

Мои руки были почти по локоть обляпаны в крови, и я быстро миновал кровать и вошёл в свою личную ванную комнату. Прохладная вода из-под крана живо смыла липкую жидкость с моей кожи, и теперь я почти не выдавал никаких признаков о совершённом убийстве. Разве что меня выдавало какое-то странное облегчение и удовольствие о содеянном, отражающиеся на моём лице. Я видел это в своих собственных глазах, когда смотрел на отражение в зеркале.

Мы можем много размышлять о ценности человеческой жизни, но по мне так это пустая трата времени. Нет такого понятия как «ценность». Люди просто не хотят умирать, не хотят испытывать боль и сталкиваться со страшной неизвестностью. Верующие думают, что попадут в Рай, ведь они верили в Бога и поклонялись ему, неверующие посчитают, что после смерти всего лишь исчезнут без следа. У жизни нет смысла. Каждый придумывает смысл себе сам. А значит и никакой грёбаной ценности тоже попросту не существует.

Смакуя свои размышления, я вышел из ванной и вновь оглядел место, на котором только что лежал труп. Кровь была на простынях и одеяле. Немного брызнуло и на подушки, так что я снял бельё и выбросил всё в камин. Никто не станет расспрашивать, что случилось с постелью. Горничные, периодически убирающиеся в моей комнате, просто принесут новое бельё.

Я вышел из своей спальни, по-прежнему ощущая себя обновлённым и полным энергии. Мне казалось, что я совершил нечто освобождающее от бремени, о котором даже не был в курсе. Всё произошло так спонтанно, так быстро и так легко, что я сперва даже засомневался: а не очередной ли это блаженный сон? Но моё колотящееся в груди сердце и слабый привкус крови, который ощущался на кончике языка, говорили об обратном.

Надо же, только вчера я получал эти послания в собственной голове, а сегодня всё же испытал изящество смерти на чужой тушке.

Телефон в кармане моих штанов оповестил меня о важном событии на сегодня, вырывая меня из царства блаженных мыслей, и я вспомнил, что на сегодня была назначена встреча с очередным дружкой отца, чтобы обсудить детали предстоящего проекта. А вечеринка по случаю моего дня рождения пройдёт вечером и наверняка продлится либо до поздней ночи, либо до самого утра.

Мимо меня проходила полноватая горничная, словно прочитав мысли о моих намерениях. Я остановил её, сказав, что мне нужна Аника Снелл, и она кивнула.

Аника... Какое необычное имя.

Уже спустя лишь пару минут сама девочка с очень невинными глазами и хрупкой фигурой, – юная мисс Снелл, – подошла ко мне, держа в руке блокнот. Она уже собрала свои волосы в пучок, переделась и стояла передо мной уже полностью готовая к работе.

Интересно, сколько ей лет? Наверняка студентка. Двадцать? Может, двадцать один?

– Вы звали меня, мистер Максвон? – спросила она.

– Да. Я помню, что ты должна приступить к своим обязанностям завтра, но сегодня мне потребуется твоя небольшая услуга.

Она прочистила горло и кивнула.

– Так вышло, что у меня сегодня день рождения. Вечером должны приехать гости. Приглашения рассылать не нужно, так как мой близкий друг уже об этом позаботился. От тебя требуется лишь организация вечеринки. Обычной молодёжной вечеринки. Ты, насколько я знаю, студентка, а значит на подобных мероприятиях уже бывала, так ведь?

Девочка вновь просто кивнула.

– Значит справишься. Ожидается вечеринка примерно к семи вечера. Если понадобится помощь, вопросы или ещё нечто подобного характера, обращайся к Лоле. Всё понятно разъяснил?

– Да, я всё поняла, мистер Максвон. – Она быстро записала мои задания в свой блокнот и улыбнулась. – Будет сделано.

– Вот и хорошо. Тогда ты свободна.

Аника убрала ручку, прижала блокнот к своей груди и ушла в другую сторону.

Я проводил её взглядом, смотрел на светлые волосы, на маленький рост и всю общую миниатюрность её фигуры, внутренне вдруг осознавая, что мне понадобится ещё.

Я хотел ещё.

Но почему-то не её.

ГЛАВА 6

АНИКА СНЕЛЛ

Сначала мне нужно было украсить гостиную. Я, по крайней мере, сама так решила.

Телефон был в моей руке уже сжат, и я пробежалась по номерам, которыми был исписан толстенный справочник, который я нашла в прихожей. Не думала, что у кого-то дома всё ещё есть такие книги.

– Как продвигается твоя работа, девочка моя?

Это была Лола. Мы с ней пообщались лишь раз, но я уже отчётливо запомнила её разве-сёлый голос и необычный акцент. Думаю, она может быть с Нигерии, Ганы или даже с Уганды, судя по внешности и тому, как она разговаривает.

– Неплохо. – Я улыбнулась, продолжая смотреть в справочник. – Мне нужно организовать вечеринку в честь дня рождения мистера Максвона. Вот этим сейчас и занимаюсь.

– Ах, да! Нашему Энтони исполняется двадцать три! До чего же быстро он повзрослел.

Я подумала, что было бы неплохо немного узнать о моём временном боссе, пока я ищу нужные мне номера и записываю в своих контактах, так что я спросила:

– А как давно вы знаете мистера Максвона?

Лолли уселась на стул и поправила свой фартук, уже запачканный двумя тёмными пятнами, похожими на следы от кофе.

– Я работаю у этой семьи сколько себя помню, – ответила она. – Лет так тридцать, точно. Я помню ещё те дни, когда Энтони только учился ходить.

Обычно при таких рассказах человек, как мне казалось, должен улыбаться, ну или хотя бы его лицо должно выражать какие-то приятные эмоции. Однако ничего из этого я на лице Лолы не увидела.

– В семье произошло что-то плохое? – спросила я, думая, что немного догадываюсь, в чём может быть причина такого вида женщины.

– А? – Она будто успела уйти с головой в мысли, а потом резко вынырнула и растерянно поморгала глазами. – Что?

– Вы просто выглядите так, словно тоскуете о чём-то. Вот я и предположила.

Лолли опустила взгляд, снова уйдя в себя, а я всё так же стояла, наклонившись к справочнику с номерами телефонов и адресами.

– На самом деле да, было кое-что. Но, боюсь, я не в праве тебе об этом рассказывать. Семья постаралась забыть о произошедшем и тоже самое должны сделать и мы.

Звучало всё это очень мрачно и странно, но я никогда не стала бы лезть в чужую жизнь, так что никаких уговоров от меня не последовало. Вместо этого я вернулась к своей работе и решила задать другой вопрос:

– А мистер Максвон... Я имею ввиду Энтони. Он нигде не учится?

– Он окончил Оксфорд пару лет назад. – Лолли вернулась к былой беззаботности всего за секунду. – А сейчас занимается тем же, что и его отец. Максвон-старший, говорят, совсем скоро передаст свой бизнес сыну. Я уверена, Энтони со всем прекрасно справится. Он очень умный и одарённый мальчик. К тому же отец учил его этому ремеслу с детства, всюду таская по разным бизнес-встречам.

Я кивнула, продолжая набирать номер в телефоне.

– А что насчёт тебя, милая? – спросила она. – Как ты оказалась в этом доме?

– Я учусь в университете, но на каникулы мне хотелось подработать, – ответила я. – И денег мне нужно достаточно много. Я совсем не хотела корячиться на какой-нибудь простень-

кой подработке, к примеру, кассиром или официанткой. Мне хотелось чего-то более серьёзного. И чего-то, за что мне хорошо заплатили бы.

– Понятно-понятно... Видно, ты очень целеустремлённая девочка. Думаю, ты справишься со своей работой. Если тебе нужна будет какая-то помощь, можешь найти меня. Я обязательно тебе помогу.

– Благодарю. – Я искренне улыбнулась ей, потому что действительно ценила её желание мне помочь. – Помощь мне наверняка понадобится.

Раздались шаги со стороны ступенек, и я машинально повернула голову вправо, потому что эти шаги оказались единственным нарушающим тишину звуком, не считая наших с Лолли голосов.

На первый этаж спускался Энтони Максвон. Он был одет немного иначе, чем до этого, но находился всё в том же формальном виде: белая рубашка, чёрные штаны, сверкающие туфли и накинутое на плечи тёмное пальто. Его светло-русые волосы были зачёсаны назад, и всем своим видом он мне почему-то напомнил прекрасных принцев из сказок.

– О, Лолли, я как раз искал вас, мэм. – Он подошёл к нам, и от него пахло очень приятным одеколоном. – Я сейчас отъеду. Нужно встретиться с одним бизнес-партнёром и обсудить кое-какие условия. Дом оставляю в ваших заботливых руках. Как всегда, в мою спальню никому не входить и двери никому не открывать.

Он сказал всё это с шуточным тоном, поэтому Лола негромко хихикнула, а я только сейчас заметила, что неотрывно смотрела на его лицо.

Энтони неожиданно переключил своё внимание на меня, взглянув мне в глаза. Пронзительно, остро, даже немного пугающе.

– А тебе, Аника, желаю удачи в первый твой день. – Он мне очень мило улыбнулся, что я не смогла не улыбнуться в ответ. – Ещё увидимся, дамы.

Он ушёл в прихожую, где ему открыл дверь самый настоящий швейцар, которого я увидела впервые (до этого его на рабочем месте не было), и вышел на улицу, оставив после себя шлейф из приятного аромата.

– Что ж, действительно, удачи, милая. – Как только Лола снова заговорила, я пришла в себя. – А я пойду на кухню, потороплю девочек с обедом. Ты, наверное, тоже уже успела проголодаться.

Она не дала мне ответить, а просто мигом помчалась к двери позади меня, откуда моментами доносились звуки посуды, голоса и топот ног.

Мне ничего не оставалось, как вернуться к своей работе – к переносу необходимых номеров в свой телефон.

* * *

Когда в гостиной уже раскладывали закуски и напитки по моим «приказам», мне позвонила Джудит. Я отошла в прихожую, чтобы ответить на звонок, потому что Джудит очень не любила, когда её игнорировали, а я крайне не любила её игнорировать.

– Да? – произнесла я в трубку.

– Хай, детка. Как поживаешь? На самом деле я хотела позвонить тебе ещё вчера, но как-то времени не нашлось.

– Нормально поживаю. Я бы сказала отлично. Мне выделили очень хорошую комнату, которая по размерам как три наших квартир. Завтракаю, обедаю и ужинаю изысканными блюдами, которые стоят как все наши почки вместе взятые.

– Я знала, что так оно и будет. – Не понадобилось много времени, чтобы определить по голосу Джудит, что она явно была немного пьяна. – Ты развлекаешься там, а я развлекаюсь со Стефано.

– Стефано?

– Да, тот горячий итальянец, с которым я познакомилась в универе. Не помнишь, что ли?

По правде говоря, трудно было бы запомнить ухажёров Джудит, которых было так много, что я давно сбилась со счёта и перестала их вообще считать.

– Помню, – соврала я. – Слушай, ты поосторожней. На свете много извращенцев, грабителей и убийц. Не стоит тебе доверять каждому встречному. Взяла бы с собой кого-нибудь из девчонок.

– Ты не понимаешь, Аника. Я самая крутая девчонка в городе. Уложу любого мужика... К себе в постель, конечно же!

И она громко рассмеялась от своей реплики. Я, должно быть, немного ошиблась, и выпила она гораздо больше.

И вот так мне приходилось каждый день, проведённый в университете. Джудит часто напивалась в очередном клубе или баре, связывалась с очередным парнем, а потом звонила мне, а я волновалась за её жизнь. Чаще всего я звонила её брату, Трэвору, чтобы он забрал свою неугомонную сестру, но вместо этого он кидал нечто вроде: *«Мне некогда приглядывать за своей сестрёнкой-проституткой. Советую и тебе расслабиться уже»*.

Джудит была глубоко несчастна в семье. Это я знала точно. Ведь именно поэтому она ненавидела каникулы и заменяла поездку домой какой-нибудь изнуряющей работой, которая не отталкивала её даже тем, что могла подпортить новенькие ноготки, за которые она отдала кучу денег мастеру в салоне.

– Стефано меня не обидит! – продолжала Джудит. – Не волнуйся, Аника! Лучше расскажи мне об Энтони Максвоне.

– Ты пьяна сейчас, Джудит. Поговорим об этом позже, ладно? Да и мне надо идти.

– Ладно-ладно. Хорошо, так уж и быть. Я сама тебе позвоню. Пока-а-а, детка!

Она сбросила звонок, а я всё так же осталась с тяжёлым волнением в сердце. Но мне пришлось от него избавиться, ибо работа в гостинице всё ещё кипела.

– Мисс Снелл, куда нам установить колонки? – спросил, подходя ко мне, юноша, да ещё и с таким тоном, словно я была на десять лет старше него.

Но мне понравилась эта официальность.

– Вот в тот угол, – сверяясь со своими набросками на тетради, сказала я. – Один туда, а второй лучше вон туда. И следите за тем, чтобы они не заграждали никому путь.

В дом вошли несколько человек с гелиевыми шарами золотистого цвета, идеально подходившего под весь общий роскошный стиль особняка. К ним быстро подросли несколько девушек-горничных и взяли шары.

– Отлично. – Я улыбнулась им, подходя ближе и беря в руку протянутую мне ручку. – Спасибо. Вы доставили их даже гораздо раньше, чем я предполагала.

Я подписала протянутую ими бумагу о получении заказа, и трое простых на вид мужчин, с замороженными лицами рассматривая всё богатство и роскошество дома, всё-таки вышли, сопровождаемые одной из горничных.

– Аника, те ящики с пивом уже принесли, – произнесла незнакомая мне пока девушка, просунув голову в дверной проём. – Нам уже их раскладывать?

– Да. По четыре-пять бутылок на один столик. – Говоря это, я почему-то сразу засомневалась, что такого количества будет достаточно на один стол, к которому будет подходить богатая молодёжь. – Хотя нет. Лучше по семь-восемь бутылок. На оставшееся место положите те тарелки с закусками, которые Лола уже должна была подготовить.

Девушки, имена которых я всё ещё не знала, в платьицах и фартучках кивали мне и выполняли все мои в каком-то смысле приказы. Я же стояла и руководила целой процессией, словно дирижёр оркестра, состоящего из нескольких десятков человек. Мне даже нравилось. С самого начала я знала, что с работой управляться смогу без проблем.

Я подошла к шарам и закрепила пару штук на ручке двери при помощи тонких, почти невидимых нитей. Потом поправила немного сползшую со стола скатерть и отошла, чтобы оценить результат своей усердной работы.

– Выглядит очень неплохо, – заулыбалась Лола, и мне даже показалось, что на её пухлых щеках выступили ямочки. – Энтони не любит отмечать свой день рождения дома, и я удивлена, что он сделал исключение на этот раз.

– Я очень надеюсь, что ему понравится всё, что я тут устроила, – нервно хихикнув, сказала я.

Женщина улыбнулась ещё шире, потрепала меня по щеке как маленького ребёнка и очень весело ответила:

– Очень понравится! Можешь в этом даже не сомневаться, девочка моя!

Я просто кивнула и вновь вернула взгляд на украшенную гостиную.

Золотистые и чёрные шары висели повсюду, и такой цвет мне показался наиболее подходящим под, так скажем, статус именинника, чем если бы они были разноцветные. Закуски уже вынесли и раскладывали по столикам, как я и велела. А столики эти принесли несколько молодых мужчин, работавших в саду и на улице. На помощь явился даже один из охранников, с лёгкостью взявший и притащивший в дом сразу несколько столиков на высоких ножках. Ещё в гостиной ровно посередине стоял огромный празднично накрытый стол. Такие блюда я видела лишь в заповедно дорогих ресторанах, а сегодня они предназначались гостям Энтони – его самым близким друзьям. Лола передала мне точное их количество, поэтому за столом уже стояли стулья в таком же количестве, что и приглашённые. На люстрах висели золотистые волнистые ленточки, а в шкафы я уже всунула несколько «пушек» с такого же цвета конфетти, которыми наверняка «постреляют» самые весёлые гости.

В общем, я была полностью довольна тем, как я тут всё устроила.

Мне казалось, что праздник пройдёт даже лучше, чем проходил во все предыдущие дни, и Энтони Максвон будет очень доволен мной. Так я продержусь на этой работе весь этот месяц и заработаю достаточно денег, чтобы оплатить аренду нашей съёмной с родителями квартиры и так же лечение папы. Я довольно много времени провела над раздумьями. По моим подсчётам мне должно хватить и на то, и на другое. Поэтому у меня совсем нет права на ошибку. Вряд ли мне удастся за короткий срок найти такую же высокооплачиваемую работу, ведь я простая студентка из бедной семьи, нуждающейся во мне, без опыта работы в серьёзных организациях, где обычно хорошо платят. Мне повезло, что декан замолвила за меня словечко, когда подписывала мою характеристику.

Не могу я подвести своих родителей.

– Привет, Аника! – раздалось прямо возле моего уха.

От неожиданности я даже подпрыгнула на месте, чуть не уронив свою тетрадь, на котором на скорую руку изобразила места, где будут лежать все необходимые для проведения дня рождения предметы.

– Ой, прости, – извинился парень, но не сумел сдержаться и хихикнул. – Не хотел тебя пугать.

– Ничего, – отмахнулась я. – А... мы с тобой знакомы?

– Пока нет, но вот сейчас познакомимся. – Парень с взъерошенными во все стороны кудрявыми каштановыми волосами смахнул с глаз чёлку и протянул мне свою нататуированную руку. – Привет ещё раз. Я Бруно. Не тот, что с мультика, но тоже дружу с крысами⁴. Я так друзей своих называю. Будем знакомы.

Я пожала его смуглую руку с изображением непонятных мне символов и ответила, что и мне приятно с ним познакомиться.

⁴ Отсылка к мультфильму «Энканто»

– Я тут продукты привожу. Всё-таки домишко находится в жопе мира, и я как бы помогаю с тем, что тащу сюда всю жратву. Просто мне показалось, что нужно с тобой познакомиться, так как у меня тут друзей нет. Может, мы сможем подружиться?

– Если честно, Бруно, мне совсем не до новых друзей, – честно решила ответить я, – так как полностью должна сосредоточиться на работе. Если я её потеряю, мне...

– Ты её не потеряешь.

– Спасибо за поддержку, конечно, но...

– Это была не поддержка. Я вполне серьёзно. – Бруно сунул руки в карманы и спиной прислонился к стене. – В общем, скажу по секрету, у этой богатой семейки никто не хочет работать. Почти сразу сваливают. Ты была большой радостью для хозяев, а значит тобой разбрасываться не станут.

– А почему не хотят работать?

– Хрен его знает. Я сам тут всего года два торчу. Вернее, приезжаю. Но столько дерьма наслышался, что думаю о том, чтобы самому свалить. Меня как-то напрягает этот Энтони.

Я совершенно не поняла его слов, но продолжила молчать, считая, что он сам продолжит, если нужно будет. И он действительно продолжил:

– Слишком он уж какой-то идеальный, понимаешь? Я таким людям не доверяю.

В этом я его очень хорошо понимала.

– Согласна, – кивнула я, улыбнувшись. – Но как бы там ни было, я не имею права считать своего босса странным, а потому воздержусь от комментариев, за которые могу быть уволена.

– Вот, к примеру, знала, что у него аж пять тачек? – игнорируя мои слова, продолжил парень. – А о том, сколько стоят его шмотки? Или вся мебель в его спальне, которую он взял за свои бабки?

– Ты определяешь идеальность человека по количеству его денег?

– Конечно. Бабки автоматически делают тебя идеальным. И если ты считаешь иначе, мне тебя жаль.

Хоть мне и впрямь не понравились его слова, вида я никакого не показала. Я просто вернулась к осмотру своей небольшой карты гостиной, изображённой в тетради.

– Ну, короче, мы теперь знакомы, и если тебе вдруг станет скучно в твоё свободное время (а поверь, тебе *будет* скучно), милости прошу. Я бываю тут каждый день и подолгу засиживаюсь на кухне. Люблю пожрать за чужой счёт, а эта семейка слишком богата, чтобы обращать внимание на счета с продуктов, так что-о-о... – Он пожал плечами и цокнул. – В общем, увидимся ещё. Может даже чего-нибудь мрачного расскажу об этом домишке.

И после своих интригующих слов он исчез из гостиной также неожиданно, как и появился возле меня.

ГЛАВА 7

ЭНТОНИ МАКСВОН

– Раз мы пришли к взаимовыгодному сотрудничеству, думаю, на этом можно считать нашу сделку завершённой.

Сказав это, мистер Хрен-Выговоришь-Имя встал и протянул мне свою морщинистую руку, которой этот старый сморщенный урод наверняка мастурбирует каждую ночь, когда жена в очередной раз шлёт его нахрен.

Я вежливо улыбнулся ему и поблагодарил за проведённую встречу, сделав акцент на том, что его поездка до отеля заняла столько времени не зря. И плевать мне, что после этой сделки его компания может развалиться к чёртовой матери уже спустя год.

Выживать в бизнесе подобном нашему может только человек сильнейший и лишённый каких-либо *сожалений*. Вроде бы в этой ситуации испытывать я должен был именно это чувство, а ещё меня должно было мучать чувство, которое люди называют *совестью*. Но все, у кого они возникают, просто чёртовы слабаки, ибо одни лишь слабаки способны ощущать какие-либо эмоции за других людей.

– Удачи твоему отцу в Нью-Йорке, – сказал мужчина, уже направляясь к своей машине. – Слышал, крупная сделка.

– Благодарю, – ещё раз улыбнулся я. – До встречи.

И он наконец уехал, а я посмотрел на время, показываемое на циферблате моих часов. К этому времени весь дом уже, должно быть, готов к моему двадцать третьему дню рождения.

Наверняка Бобби и его компания таких же укурков, как и он сам, вместе с девицами лёгкого поведения уже сели в свои дорогие автомобили, которые они все приобрели за счёт денег своих папаш, и мчались в сторону Виндзора из самых элитных районов Лондона. И я более чем уверен, что они уже успели закинуться чем-нибудь запрещённым или выпить, а значит приедут уже пьяные.

Я в основном всегда пил вино, но никогда ещё не напивался до того состояния, когда ты кричишь что-то несуразное, срёшь под себя и падаешь в обмороки. Очень важно всегда контролировать себя, что я и делал всю свою жизнь. Переизбыток алкоголя способен превращать людей в животных, и я с радостью наблюдал за тем, как это происходит с другими, однако сам в подобное не ввязывался никогда.

Я гораздо выше их всех.

– Собираетесь ли вы ехать домой, сэр? – спросил мой личный водитель.

Его звали Ламонт Редклифф, и на лице его всегда был этот отвратительный шрам на поллица, который он, как я думаю, получил в армии, когда совсем рядом с ним подорвался снаряд. Я не знал историю его жизни и о том, как он стал нашим личным водителем, да и плевать мне на всё это было, но я видел его часто, и он иногда рассказывал о своей жене, которая бросила его много лет назад, и о своих детях, которые рады бы приехать, однако охрана возле нашего дома не пропускает лишних людей в дом. Я также знал, что он получал достаточно хорошие деньги с кармана моего отца за свои услуги, и в целом я был доволен его работой, поэтому не пытался как-то избавиться от него и не испытывал к нему никакой личной неприязни. По крайней мере, она была не такой сильной, чтобы я успел её заметить.

– Да, – ответил я, убирая телефон. – Едем.

Я сел в автомобиль, водитель сел за руль, и мы тронулись вперёд по ровному асфальту, которым были уложены улицы Лондона.

Вообще я посещал этот город раз тысяч, не меньше. В детстве я ездил с родителями прогуливаться по улочкам, заходить в кафе и рестораны, а потом ночью любоваться на Биг Бен и

Тауэрский мост, хоть я в этом не видел никакого смысла. Помнится, отец часто устаивался чести, как он сам выражался, общаться с самой королевой Елизаветой и гордился этим так, будто он сам был в числе королевской семьи, когда на самом деле дедушка с бабушкой были грёбаными алкоголиками и лишь каким-то чудом не погубили своих детей ещё в детстве. Отцу удалось вырваться из бедности, когда он своими силами открыл бизнес, подружившись с нужными людьми, а потом познакомился с моей матерью. Они часто рассказывали, какой *романтичной* у них была свадьба, чтобы это слово ни значило, и какими замечательными были первые дни в качестве супругов.

Я же смотрел на них как на идиотов и совершенно не понимал, о чём они, чёрт возьми, говорят. Что значат эти их дурацкие улыбки, которые появляются на лице, когда они смотрят друг другу в глаза, что значит их поцелуй, и почему они так по-идиотски выглядят, когда держатся за руки?

Всё это было не для меня и не про меня. Что-то чужое и непонятное.

Сколько было попыток родителей найти мне девочку, с которой я видел бы желание провести всю свою жизнь. А я спросил бы их: *«Зачем кому-то нужно кого-то любить? Как можно желать провести жизнь с кем-то одним? Зачем вы просто не слушаете свой разум, не размышляете о том, чего вы желаете, и не используете человека для достижения своих целей? Почему бы вам просто не улыбаться в лицо и делать всё, чтобы взять своё?»*. Но я не спрашивал, потому что плевать мне было на их мнение.

Машина проезжала мимо баров и клубов, и я вспоминал, как в одном из них цеплял девочек в развратных одеждах, которые и там и тут просвечивали их груди и задницы. Вспоминал, как стоило мне лишь заказать дорогой коктейль перед ними, и каждая из них уже была готова отсасывать мне прямо за барным столом.

С Лондоном было связано многое, но помнил я гораздо меньше. Потому что многое я просто старался не вспоминать. Например, тот период в моей жизни, когда отец с матерью серьёзно поссорились и разъехались на какое-то время. Мама забрала меня и поселилась в своей роскошной квартире, которую отец купил ей в качестве свадебного подарка в элитном районе Лондона.

Мы жили вдвоём.

И на этом я резко обрывал всё остальное.

Когда мысли закончились, мы уже подъезжали к особняку. Ворота нам открыли в мгновение, едва мы показались на подъездной дороге, вымощенной камнем. Я уже отсюда видел из окна, как изменилась гостиная, но не видно было какой-либо суетливой работы. А значит Аника Снелл со своей работой справилась вовремя.

Я вновь взглянул на часы; время к приезду людей, которых я в лицо называл друзьями, подходило. Выйдя из автомобиля, я поправил пальто, провёл руками по волосам и встретился с одной из тех девочек, которые встречали меня у порога.

Швейцар открыл мне дверь, и я вошёл в дом.

– Здравствуйте, мистер Максвон, – улыбнулась горничная и принялась снимать моё пальто. – Добро пожаловать домой.

– Всё готово? – спросил я.

Она оглянулась на секунду и кивнула.

Отлично.

Я миновал прихожую, открыл дверь и оказался в нашей гостиной – в том помещении особняка, в котором чаще всего проводил время, когда родители находились дома. Сейчас же гостиная отличалась от того привычного мне своего обычного вида.

Я почти никогда не отмечал свои дни рождения дома, предпочитая справлять их в каких-нибудь ресторанах, которые бронировал на весь день до самого утра. Но на этот раз *мне хотелось пропитать свою кровать чьей-нибудь кровью*, и оттого, наверное, позвал всех сюда.

Да, я хотел повторить всё.

Быстро осмотрев шары, закуски, напитки и накрытый стол в гостиной, подготовленные к празднованию, я подошёл и оторвал одну красную виноградину.

– Вы уже вернулись, мистер Максвон, – раздался голос за моей спиной, и я обернулся.

– Как видишь, Аника. – Я закинул виноградину в рот и принялся жевать её, глотая нежную мякоть. – Видно, ты справилась со своей задачей.

– Вам нравится?

В её голосе прозвучала такая надежда, будто от моего ответа зависела её жизнь, и я нарочно улыбнулся этому факту.

– Да. Я не похож на человека, который может любоваться шариками, но именно это я сейчас и делаю.

Она слегка хихикнула.

– Что ж, я рада, что вы остались довольны. Я очень волновалась, честно говоря, разочаровать вас.

– Тебе не удалось бы меня разочаровать.

В ответ она лишь улыбнулась.

В гостиную вошла Лолли. Сейчас она была одета не в привычное мне коричневое платье и белый фартук, а в обычную повседневную одежду. Значит у неё сегодня выходной.

– Вы уже приехали, мой милый, а я вот уезжаю к своим деткам, – сказала она с отдышкой, ведь тянула за собой большую сумку.

– Позвольте мне вам помочь, – предложил я и подошёл к ней, раздражаясь её жалким попыткам тащить свой багаж, который царапал мне пол.

– Спасибо, мистер Максвон. Как мило с вашей стороны.

Я отмахнулся, вешая лапшу ей на уши, и мы покинули Анику.

Я дотащил сумку прямо к подъехавшему такси, ожидавшему Лолли, и помог загрузить её в багажник. Лолу так и подмывало расцеловать меня, но она ограничилась одним лишь своим поглаживанием меня по голове. Думается мне, что она пыталась относиться ко мне как к сыну, ведь мечтала однажды трахнуться с моим отцом.

– Пожалуйста, Тони, не обижайте Анику, – сказала она перед тем, как сесть в машину. – Она очень хорошенькая девочка.

После этого она наконец уехала, улыбаясь мне через открытое окно, а я не сумел сдержаться от многозначительной ухмылки.

Возможно, она очень хорошенькая девочка, но надолго ли это продлится в этом доме?

* * *

– Энт, дружище! – крикнул Бобби, едва он вылез из своего автомобиля.

Распахнув свои руки, он шёл ко мне, а когда всё же приблизился, крепко обнял.

Я ненавидел объятия и терпел их всю свою жизнь, потому что людям положено обниматься с семьёй, друзьями и своими вторыми половинками. Я делал это, чтобы казаться всем «своим». Так было удобнее потом получать от них то, чего я желал. Лишь притворяясь таким же, мне удавалось воплощать свои планы.

Хотя я ещё с детства начал осознавать, что я другой.

– С днём рождения, братан! – Бобби хлопнул меня по плечу. – Друзья, вот наш именинник!

Я оглядел людей, которых он притащил в мой дом. Некоторые из них были знакомы мне с давних лет, а кого-то я видел впервые. Оценивающим взглядом я прошёлся по стройным ножкам нескольких девочек в платьях, которые они надели, наверное, считая их достаточно

красивыми для подобного уровня вечеринки, но на самом деле давали знать этим, что они готовы на всё. И на то, чтобы лечь со мной в постель тоже.

Забавно, когда глупые девочки говорят, что носят одежду исключительно для себя, но выходят на улицу лишь с раскрасом и в поразительно облегающих нарядах, не скрывающих их формы. Они любят не надевать бюстгалтеров, из-за чего их грудь сильно выделяется через тонкую ткань их футболок или маек, и торчат их соски. Они любят кричать о том, что это не для мужчин, однако это ложь. Они просто поднимают себе цену, чтобы найти достойного мужчину, который мог бы оплачивать их походы в салоны и всякое шмотьё вроде того, что они так любят носить.

– Кстати, Энт, знакомься, – произнёс Бобби, притянув за плечо девочку, чьи каштановые *каштановые каштановые* волосы были уложены гелем назад. У неё была точно такая же белая кожа, как и у того трупа, который сейчас лежал у меня в комнате. – Это Патриша Кларк. Дочь английского магната Хантера Кларка. Ты же вроде знаком с ним, да?

– У нас было несколько общих проектов, – ответил я, а сам не отрывал взгляда от гостьи. – Приятно познакомиться, мисс Кларк. Я Энтони.

– Я знаю, кто вы, – произнесла она, ухмыльнувшись мне и протянула руку, которую я демонстративно поцеловал. – С днём рождения.

– Спасибо, – кивнул я, затем хлопнул пару раз ладонями и громко добавил: – Прошу всех в дом. Нечего вам мёрзнуть на этом жутком холоде.

Гости были совсем не против, учитывая то, что большинство из них пришли без верхней одежды, стараясь произвести впечатление своими дорогими цепочками на шеях, серьгами в ушах, браслетами и другими аксессуарами, которыми им необходимо было похвастаться перед друг другом.

Швейцар впустил нас в дом, и первым делом, когда мы достигли гостиной, Бобби подбежал к накрытому столу, сходу жадно наливая себе дорогой коньяк. Горничные стояли чуть поодаль на случай, если кому-то понадобится помощь или же для моментальной уборки.

Зачем же я дружил с Бобби Дэллом, если мне так не нравился любой с ним контакт? Ради личной выгоды. Это была единственная причина, ради которой я искусно притворялся добродушным милым парнем для всех окружавших меня дураков и делал вид, что мне очень нужна вся эта розовая мишура, которую люди обычно называют дружбой. За все свои годы жизни я обучился тому, как и где нужно проявлять те или иные эмоции. В какой ситуации нужно злиться по общепринятым нормам, а где я должен улыбаться и радоваться как последний идиот.

Но какова сладость того удовольствия, что я получал каждый раз, когда тот или иной идиот вёлся на очередную мою ложь! Как верил каждому моему слову без каких-либо сомнений. Правильно. Ведь я Энтони Максвон, сын Джека и Даяны Максвонов, самых влиятельных и богатых людей во всей Великобритании, получивших признание и в Северной Америке, и в Германии, и во Франции, и во множестве других стран. Они были включены в список журнала Форбс, о них говорили везде и всюду. И их сынишка, весь в отца, обязательно унаследует их многомиллиардную компанию, женится на Жаклин Лоусон, понаделает сыновей, которые в свою очередь унаследуют бизнес от него самого.

Возможно, так и будет. Возможно, именно по этому сценарию я и проживу свою жизнь. Но никто никогда не узнает, что я совсем не такой как все они. Что я стою намного выше их. Я намного умнее, привлекательнее, догадливее и хитрее. Что все они мои чёртовы марионетки, которыми я кручу как хочу.

Никогда не узнают, даже если мне придётся убить их всех.

– Вот это ужин! – довольно поглощая еду со стола, пробормотал Бобби. – Ребята, не стесняйтесь! Налетайте! Наш именинник всё это устроил специально для нас!

Он вёл себя как хозяин моего дома, и оттого у меня возникло резкое желание запихнуть всё, что в его тарелке, ему в глотку, чтобы он подавился и умер у меня за столом.

К слову, мы все уже сидели за накрытым столом, как цивилизованные люди, не доходя пока до похоти, секса и наркотиков, которые ждали нас после.

– Думаю, сперва нам стоило бы сказать пару слов о причине сегодняшнего торжества, – произнесла та девочка, которую Бобби назвал Патришей. – Как считаете, мистер Максвон?

Она поднесла ко рту бокал с шампанским и сделала небольшой глоток, пытаясь по максимуму показать мне свои манеры. Она родом из богатой семьи, как и все, кто собрался сегодня на мой день рождения, но она немного отличалась от всех. У меня не получалось заметить эту разницу, понять и увидеть её. Я лишь чувствовал это.

– Я буду не против, если первой поздравите меня вы, – сказал я и улыбнулся ей.

Она же ухмыльнулась. Взяла бокал в руку и начала:

– Странно было бы желать вам побольше денег и счастья, ведь и то, и другое у вас итак уже есть. Поэтому я пожелаю вам одно: найти свою единственную любовь. Ведь все знают, что вы самый завидный жених Англии. Стоит ли упоминать то, что все девушки мечтают занять это место?

Её речь понравилась абсолютно всем. Кто-то сообщил об этом вслух, кто-то чокнулся бокалами. А я понял вот что: она намекала на себя, в этом я был абсолютно уверен.

Наверное, предки зря решили оставлять людей в неведении касательно своих планов насчёт меня и Жаклин. Все считают, что я абсолютно свободен. Как же удобно...

– Но у Энты уже есть кое-какая... – начал Бобби, видя, желая упомянуть Жаклин, но я пихнул его в живот, так что он ни слова не сказал далее.

Мне совершенно не хотелось сегодня лишаться бурной ночи с Патришей. Именно она должна сегодня ночью утолить моё желание крови. Мой голод.

Я свой выбор сделал.

ГЛАВА 8

АНИКА СНЕЛЛ

Я ужасно устала.

Ноги ныли от бесконечной ходьбы по огромной гостиной, и я так радовалась, что не было необходимости в том, чтобы украсить к празднику весь дом целиком, иначе я просто упала бы в кровать и впала в самую настоящую кому.

Лолли, – единственного, пожалуй, человека, который как-то успокаивал меня одним лишь своим присутствием, – не было в доме, ведь она уехала домой из-за своего выходного. Печально было это осознавать. Я словно одна осталась.

Глядя на экран своего телефона, я с любовью разглядывала свою дружную и невероятную семью. Мы всегда фотографировались на каждой встрече, когда я приезжала из общепита домой в гости. На фотографии мама стояла возле инвалидной коляски папы, а я слегка наклонилась над ней, положив руки на спинку коляски. Мы все улыбались. Особенно часто улыбался папа. Я не смогла бы вспомнить и дня, в который он бы сидел с хмурым выражением лица или даже грустил. Он будто не был способен на подобное. И меня всегда учил тому, что улыбка очень важна в нашем сером и жестоком мире.

Я очень скучала по своим родителям. И именно под порывом сильной тоски по ним я без раздумий крепче сжала в руке телефон, села на кресло в своей временной комнате и позвонила маме через видео-вызов.

Но трубку поднял папа.

– Аника! – Он искренне обрадовался, когда увидел моё лицо на экране телефона. – Как я рад тебя видеть!

– Привет, пап! – Я улыбнулась, взглянув в его невероятно добрые карие глаза.

У папы были каштановые волосы в молодости, но на сегодня они уже достаточно поседели, чтобы определить изначальный цвет казалось крайне сложной задачей. Кожа раньше была оливкового оттенка, но со временем из-за бессонных ночей, вызванных болезнью, она стала бледной, болезненно бледной, будто всю его кровь кто-то выкачал.

Мне было до невыносимости больно смотреть на него.

– Как дела у вас с мамой? Я хотела позвонить и раньше, но...

– Я знаю, как занята ты иногда бываешь, Аника. Нет нужды в твоих извинениях.

Пару секунд я помолчала, а потом всё же спросила:

– Как мама? Где она сейчас?

– А-а, твоя мама готовит список продуктов целый день. Хочет приготовить завтра праздничный ужин.

Я заулыбалась, только лишь вспомнив о том, что завтра у них годовщина. День, в который они ровно двадцать лет назад впервые встретились, влюбились и почти сразу поженились.

Они были той самой идеальной парой, которой хотелось любоваться. Между ними не было ссор, разладов и обид. Папа с мамой находили общий язык в любой сложной ситуации и никогда не пытались задеть друг друга.

Я ими восхищалась всю свою жизнь.

– Мне так жаль, что я не смогу приехать, – сказала я, и мой голос заметно дрогнул. – Я очень хотела бы сейчас быть рядом с вами.

– Ну что ты, дочь моя. – Папа улыбнулся и шуточно провёл пальцем по экрану, имитируя такое движение, будто он вытирает мои невидимые слёзы. – Не надо расстраиваться по пустякам. Тем более что нашей с твоей мамой годовщине стоило бы пройти только между нами.

Я коротко засмеялась, поняв, что он хотел этим сказать.

– Хочешь, я позову маму? – спросил папа.

– Нет. Не отвлекай её. Я позвоню вам ещё... Пап, как там дела с лекарствами?

Он не ответил и состроил такое выражение лица, будто я задала какой-то глупый вопрос.

– Что это значит, пап? – Я насторожилась, и улыбка с лица сползла. – Ты ведь принимаешь назначенные препараты, верно?

– Аника, со мной всё в порядке.

– Нет, пап! Тебе необходимо принимать лекарства! Неужели ты...

– Зачем?

Этот вопрос застал меня врасплох.

Я молчала минуту, прежде чем смогла собрать в себе силы и терпение, чтобы вновь заговорить и при этом не повышать голоса:

– Мистер Стилл создал целый список лекарств, которые ты обязан выпивать каждый день. Почему ты так халатно относишься к своему здоровью?

– Милая, у меня давно уже нет здоровья. От него осталось одно лишь название. И как же мне ужасно наблюдать за тем, как ты корячишься на работе, при этом учась в университете до самой ночи, и покупаешь мне эти бесполезные препараты, словно они смогут продлить мне жизнь. Я своё уже прожил, Аника. Я не хочу, чтобы ты тратила на меня деньги.

Я не могла поверить в то, что услышала. Сперва я даже решила, что, возможно, не так всё поняла. Может, ошиблась и восприняла его слова неправильно.

– Пап, ты сейчас шутишь? – Мой голос звучал очень слабо и почти хрипло, ведь я всё-таки осознала, что всё услышанное мной действительно только что прозвучало.

– Аника, трать свои деньги на себя, пожалуйста. Перестань покупать лекарства и позаботься о себе.

– Боже, пап! Как ты можешь такое говорить?! Мне не нужны эти деньги, если они смогут быть полезны для тебя!

Не повышать голоса не удалось, и я почти в истерике уже выкрикивала свои протесты, которые пролетали мимо папиных ушей, ведь он всегда был упрямым, не желающим менять своё мнение в угоду другим.

– Аника, у всех есть своё время. Моё подходит к концу.

– Не говори так, пап! С чего у тебя вообще появились эти пессимистичные мысли?!

– Я просто хорошо знаю ситуацию. И ты тоже знаешь, просто боишься признаться самой себе.

Мне не хотелось больше продолжать слушать его, и я высказала другое своё мнение:

– Всё, пап. Когда этот месяц подойдёт к концу, я поеду к вам, и ты примешь все лекарства, хочешь ты или нет. – Почувствовав, как к горлу подкатил неприятный ком, я быстро добавила: – Передай привет маме и... проведите завтрашний день, как вы всегда это делали, когда я была маленькой.

Папа улыбнулся, обогреваемый приятными воспоминаниями, а я улыбнулась вместе с ним.

И на этом наш разговор подошёл к концу, а телефон отключился.

Внутри поселились мрачные мысли, голову обуревало желание заплакать, ведь это казалось единственным хорошим способом избавиться от опасений и страхов. Я очень боялась потерять отца, ведь он был одним из лучших пап во всём мире. Мне никогда не выдавалось возможности встретить такого же любящего свою семью, заботливого и доброго человека. Папа был таким единственным.

Каждый раз, глядя в глаза маме, он передавал ей тепло и нежность. Он улыбался, лишь смотря в её сторону и всегда старался помогать. Папа никогда не обременял маму рутинными делами, не лежал на диване, пока она мыла посуду или готовила сложные блюда. Он всегда и

во всём ей помогал. Даже возвращаясь вечером с работы, отец мчался на кухню, чтобы обнять свою жену и встать рядом, беря на себя одно из её дел.

Я была самой счастливой дочерью самой счастливой пары.

И всё могло бы продолжаться также, если бы не неожиданная болезнь папы, которую неожиданно возложил на наши плечи Бог. Он будто бы поглядел на нашу семью, понял, что таких счастливых людей быть не должно, и решил подкинуть нам бесконечные дни страданий и моральных мучений.

Надеясь отвлечься, я отложила телефон в сторону и встала. До моей комнаты, в которой было очень много света и зелёных растений в горшках, доносилась музыка с первого этажа. Спокойный ужин и произнесённые громкие тосты уже закончились и началась настоящая вечеринка. Я не хотела мешаться под ногами гостей, поэтому старалась оставаться в своей комнате.

И вот, я вдруг услышала голос за своей дверью.

Конечно, мало ли, кто может сейчас проходить мимо в коридоре, однако мне почему-то захотелось проверить, что там происходит. Отчасти, наверное, потому что я услышала разговор на повышенных тонах.

Встав со стула, я медленно подошла к двери, слегка её приоткрыла и обнаружила Энтони, разговаривающего с кем-то по телефону. Скорее всего, он направлялся к своей комнате, ведь она находилась всего через несколько метров от моей, но почему-то остановился именно здесь.

– Послушай меня, – сказал он громко, – я ведь уже сказал, что все подробные разговоры об этом я оставляю на потом.

Он помолчал немного, вероятно, слушая ответ, а затем продолжил вновь. Однако на этот раз он резко изменил тон своего голоса. Так резко, что мне даже показалось, будто всего за одну секунду Энтони резко подменили на какого-то другого Энтони.

– Ладно, прости. Я веду себя как полный урод. Я думаю, нам нужно встретиться. Когда ты будешь свободна?

Я чувствовала себя преступницей, пока стояла возле двери и стыдливо подслушивала за чужим разговором. Но я ничего не могла с собой поделать.

Почему-то на Энтони Максвона хотелось смотреть. И дело тут было вовсе не в его симпатичной мордашке, которая наверняка не раз становилась поводом для пролитых девичьих слёз. Почему-то его движения, манера речи и весь внешний вид притягивали. Я ещё никогда не встречала таких людей.

– Хорошо, договорились, – сказал он напоследок перед тем, как положить трубку.

Только сейчас я заметила в его руке бокал с вином. И, конечно же, совсем не ожидала, что он с такой силой сожмёт его, что бокал громко лопнет. Алкоголь тут же брызнул на стену, слегка попав и на висевшую картину, и полился на пол, смешавшись с кровью, которая тут же начала вытекать из, должно быть, глубокой раны на ладони.

Наверное, мне нужно было лишь удивлённо и даже с небольшой долей шока взглянуть на его окровавленную руку, а затем просто вернуться в свою комнату, чтобы не выдавать своё стыдливое поведение, однако вместо этого я быстро вышла из комнаты. Энтони, конечно же, меня тут же увидел, но на его лице не возникло каких-либо вопросов.

– Я принесу аптечку, – сказала я в то время, пока он с интересом на меня смотрел.

В моей комнате уже заранее был подготовлен ящик с лекарствами, лейкопластырями, аппаратом для измерения давления, градусником и прочими необходимыми вещами. Я взяла бинт и ножницы и поспешила к Энтони. Он стоял всё в той же позе и точно там же, где разбил бокал.

– Следовало бы промыть рану, – произнесла я, осматривая его руку. – В ней мог застрять осколок.

– Ты что, шпионила за мной? – спросил Энтони.

Я подняла глаза и встретила с холодным до дрожи в позвоночнике взглядом. У него были поразительно серые глаза, напоминающие два куска прозрачного льда.

– Нет, просто... просто услышала, как вы громко разговаривали по телефону.

– Значит, ещё и подслушивала?

– Н-нет... Ничего такого не было.

Сперва он говорил голосом, полным неприязни, но неожиданно вдруг улыбнулся, глядя на меня и моментами опуская взгляд к своей руке, которую я держала в своей.

– Давайте лучше я перевяжу вам рану. – Я быстро опустила глаза обратно к его руке, чтобы он вдруг не заметил, как судорожно я сглотнула. – Но вам всё же нужно будет её затем промыть. Сейчас главное остановить кровь.

– Как это мило с твоей стороны. – Энтони почти прошептал эти слова. И вдруг тихо добавил: – Хорошая девочка.

Его слова вдруг заставили моё сердце стукнуть пару раз намного громче, чем обычно. Я даже опешила, но попыталась, по крайней мере, как можно быстрее взять себя в руки и понять, что ничего такого страшного он ведь не сказал.

На нём сидела белая атласная рубашка, заправленная в чёрные штаны. Она была наполовину распахнута, так что я заметила, что на шее у него висела серебряная цепочка с распятием, которая могла бы говорить о его религиозной принадлежности, однако я в этом почему-то сомневалась. Ещё я почувствовала лёгкий запах алкоголя вперемешку с одеколоном: Энтони был явно слегка пьян.

Быстро завязав бинт на его руке, я отстранилась от него.

– Есть ли у вас ещё какие-нибудь поручения для меня, мистер Максвон? – Я очень постаралась, чтобы мой голос вдруг случайно не вздрогнул.

Пару минут разглядывая моё лицо, он ответил:

– Да. Составь мне компанию.

Я удивлённо на него посмотрела.

– Но у вас столько друзей. Мне кажется, я буду мешаться...

– Ты работаешь на меня, выполняешь мои задания, и за это ты получишь деньги в конце этого месяца. Так вот, только что прозвучало одно из этих самых заданий. Ты не можешь отказаться, если хочешь продолжать тут работать.

Всё это прозвучало в каком-то доминантном, приказном и повелительном тоне. Словно Энтони стоял передо мной в королевском одеянии и с короной на голове, а я была простой служанкой, обязанной выполнять все его прихоти.

Мне ужасно это не понравилось, но я отпихнула всё своё неодобрение куда подальше, вспомнила об отце и лишь смиренно кивнула.

– Отлично. – Энтони улыбнулся и последовал к ступенькам, при этом не забыв обратиться к проходящей мимо горничной: – Уберите разбитый бокал возле перил.

Мы спустились вниз, и я сразу же оказалась в эпицентре весёлой молодёжной вечеринки. На такие мероприятия, так скажем, я ходила только лишь за компанию вместе с Джудит, никогда не имея своего искреннего желания. Мне не нравился весь тот разврат, что происходил на дискотеках, и оттого старалась держаться от них подальше.

Гостиная сверкала от обилия разноцветных вспышек и взлетающих вверх конфетти. Горничным придётся много поработать после вечеринки, чтобы убрать весь мусор и привести гостиную в изначальный вид.

Все гости были такие красивые и нарядные, и танцевали недурно. Девушки и парни. Молодые, весёлые, активные. Они все были полной противоположностью Энтони – сдержанного и спокойного Энтони. А может я просто недостаточно знала о нём, ведь была знакома с ним всего день.

И всё же домашняя вечеринка в доме Максвонов немного отличалась от всех моих клубных походов. Она не была такой же развратной.

– О, что за цыпочка? – К нам подошёл парень с растрёпанными каштановыми волосами, в разноцветной пляжной рубашке и от которого разило алкоголем за метр.

– Бобби, это Аника. – Энтони положил руку на мою талию. – Моя личная помощница, которую отец любезно пригласил к нам, чтобы она помогала мне с работой. Аника, это мой лучший друг, Бобби.

– Привет, крошка! – громко, стараясь перекрыть музыку, произнёс Бобби. – Хочешь потанцуем?

– Нет, я позвал её не для того, чтобы она танцевала с тобой, – за меня ответил Энтони. – Мы посидим в более цивилизованной компании.

Не успела я ничего разобрать или хотя бы что-то сказать, как Энтони повёл меня вперёд, к столу, за которым всё ещё сидело несколько человек, по какой-то причине не пляшущих на импровизированном танцполе. Это были две девушки и молодой человек примерно того же возраста, что и именинник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.